

ПИТЕР СВЕНСОН

**ВСЕ ЕЕ
СТРАХИ**

ВОЖДЕЛЕНИЕ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Питер Свенсон

Все ее страхи

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2017

УДК 821.111(73)

Свенсон П.

Все ее страхи / П. Свенсон — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017

ISBN 978-617-12-4876-2

С детства Кейт Придди жила в мире страхов, которые усилились после того, как ее похитил бывший бойфренд. Ревнивый параноик пытался пристрелить ее, но застрелился сам. Девушка мечтает покончить с прошлым и своими страхами, поэтому соглашается на предложение троюродного брата Корбина поменяться жильем. Девушка переезжает из Лондона в Бостон и готова начать все сначала... Внезапно соседку Корбина находят мертвой. Полиция расспрашивает Кейт о Корбине. Неужели убийца – он? Страхи из прошлого вновь возвращаются к Кейт...

УДК 821.111(73)

ISBN 978-617-12-4876-2

© Свенсон П., 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017

Содержание

Питер Свенсон	5
Часть 1. Длинноногие зверушки	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Питер Свенсон Все ее страхи

© Peter Swanson, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018

* * *

Это произведение – чистый вымысел. Имена, герои, места и происшествия – плоды воображения автора, не имеющие никакого отношения к действительности. Все совпадения с реальными событиями, местами, организациями или людьми, живыми либо мертвыми, абсолютно случайны.

Сьюзен, Джиму, Дэвиду и Джереми

*Каждый страх – возделение. Возделение – страх. Сигареты тлеют под деревьями, Где стаффордширские убийцы ждут своих сообщников И жертв. Каждая жертва – сообщник.
Джеймс Фентон Стаффордширский убийца*

Часть 1. Длинноногие зверушки

Глава 1

Самый короткий путь от аэропорта имени генерала Логана в центр Бостона пролегал через полутораклометровый тоннель Самнера. Темный, сырой, с низкими сводами – казалось, что Самнер построен сотню лет назад. Впрочем, это недалеко от истины. И в пятницу, 24 апреля, теплым весенним вечером, у первокурсника Бостонского университета как раз посреди тоннеля кончилось горючее, из-за чего привычная в час пик двухполосная тянучка на дороге преобразовалась в однополосную. Кейт Придди, которая еще ни разу не была в Бостоне и даже представить не могла, что окажется заблокированной под Бостонской бухтой, сидела на заднем сиденье такси, застрявшего в пробке, и уже начала паниковать.

Это был не первый приступ паники за сегодняшний день. Утром, когда она выходила из своей лондонской квартиры в Белсайз-парке в прохладный серый рассвет, ей внезапно показалось, что квартирный обмен – худшая из авантур, на которую она когда-либо соглашалась. Но она выполнила свои дыхательные упражнения, повторила мантру и сказала себе, что уже слишком поздно идти на попятную. Ее троюродный брат, с которым она никогда не встречалась, в это время летел ночным рейсом из Бостона в Лондон. Он будет обитать в ее жилище на протяжении полугода, а она поживет в его квартире в Бикон-Хилле.

Но приступ паники в застрявшем в темном тоннеле такси был куда хуже всех предыдущих. Она чувствовала себя в нескончаемом тоннеле с изогнутыми гладкими стенами как внутри огромной змеи. У Кейт свело желудок, во рту пересохло.

Такси ползло вперед. От сиденья шел запах тела и цветочного автомобильного дезодоранта. Кейт хотела открыть окно, но постеснялась, ибо не знала, как отреагирует американский таксист. Снова свело желудок, начались колики. *Когда же я в последний раз ходила в туалет*, подумала она, и ее паника шагнула на следующую ступеньку. Настолько знакомое ощущение, когда сердцебиение учащается, конечности стынут, мир сжимается перед глазами. Но она знала, что делать. В голове звучал голос врача. *Это обычный приступ паники, случайный выброс адреналина. Он не ранит тебя и не убьет, никто даже не заметит. Просто прими. Поброди с ним. Оседлай его.*

Но сейчас совсем по-другому, размышляла Кейт. Опасность воспринималась как абсолютно реальная. И вдруг она снова увидела себя в коттедже на Уиндермире: она сидит, съевшись, в закрытом шкафу, ее ночная рубашка мокрая от мочи, а Джордж Дэниэлз – с другой стороны двери. Сейчас у нее точно такие же ощущения – как будто чьи-то холодные руки внутри скручивают живот, как кухонное полотенце. Выстрел из ружья – и вселяющая ужас тишина, длившаяся нескончаемые часы. Когда ее наконец вытащили, конечности были закостевевшими, а голосовые связки болели от визга. Она не понимала, как осталась живой, как этот ужас не убил ее.

Звук перекликающихся клаксонов вернул ее обратно в такси. Она отбросила мысли об Уиндермире, о Джордже и сделала глубокий-глубокий вдох, хотя казалось, что грудь что-то сдавливает.

Смирись. Прими. Выпусти это. Пусть время течет своим чередом.

Слова больше не работали, и Кейт почувствовала, как сжимается горло, а легкие неистово пытаются втянуть кислород. В такси стоял такой же запах, как тогда в шкафу, – затхлый и гнилой, как будто там что-то сдохло много лет назад. Кейт думала о побеге, и переполняющие ее мысли вгоняли в еще большую панику. Она вспомнила о назначенных ей транквилизаторах – бензодиазепинах. Кейт редко их принимала, но всегда брала с собой, как ребенок, который

не хочет расставаться с одеяльцем, хотя и не нуждается в нем. Однако таблетки находились в чемодане, который лежал в чертовом багажнике. Она пыталась что-то сказать таксисту, попросить его открыть багажник, но слова застряли в пересохшем горле. В этот момент – и такое случилось множество раз – она была уверена, что действительно умирает. *Приступы паники не могут убить тебя. Конечно, не могут*, думала она. Она зажмурилась, как будто на нее несся поезд. Напрасно она это сделала. Мир растворился в шкафу, заполненном мраком. Смерть подступила слишком близко. Нутро начало плавиться.

Смирись. Прими. Выпусти это. Пусть время течет своим чередом.

Такси продвинулось вперед на расстояние корпуса автомобиля и снова остановилось. От этого непродолжительного движения немного полегчало, словно именно ее мантра заставила машину ехать. Она повторяла спасительные слова снова и снова, чередуя их с дыхательными упражнениями.

Водитель махнул рукой, растопырил пальцы и что-то пробормотал в грязное лобовое стекло на непонятном Кейт языке. У нее почему-то сложился стереотип, что американские таксисты – сплошь и рядом низкорослые дядьки в кепках с недокуренными сигарами в зубах. И у них обязательно должны быть громкие голоса. Но этот – в чалме, с густой бородой, – если исключить тот факт, что он сидит с левой стороны, а не с правой, мог вполне сойти за лондонского.

– Далеко ли еще до конца тоннеля? – спросила Кейт через перегородку. Ее голос показался ей надломленным и робким.

– Там впереди что-то есть.

– Здесь всегда так?

– Иногда, – ответил водитель и пожал плечами.

Кейт махнула рукой и, отодвинувшись от перегородки, потерла коленки. Машина рывками продвигалась вперед, преодолевая по несколько метров за один раз, но когда они миновали пробку, которую создал «Шевроле», открылись обе полосы, и такси медленно, но верно стало приближаться к выезду из тоннеля. Кейт сделала глубокий вдох носом и выдох через рот. Она разжала кулаки, похрустела суставами и начала по очереди постукивать большим пальцем по кончикам остальных. Дыхание немного восстановилось.

Они наконец выехали из тоннеля, и едва Кейт успела заметить проблески распушенных облаков, громоздящихся в небе, как такси нырнуло в следующий тоннель, правда, пронеслось сквозь него без всяких заторов. Прежде чем они выскочили на другую скоростную дорогу, выходящую вдоль берега реки Чарльз, таксист успел наверстать потерянное время. Было достаточно светло, и Кейт смогла разглядеть слева задние стены кирпичных домов. По гладкой поверхности реки скользила спортивная гребная лодка.

Неожиданно водитель резко взял влево и выехал на узкую дорогу. Площадь, кирпичные дома на другой стороне, цветущие деревья вдоль тротуара.

– Бери-стрит, – сообщил таксист.

– Дом номер сто один.

– Понял.

Таксист разогнался, затем притормозил и внезапно остановился перед кирпичной аркой с вырезанными цифрами «101», захав одним колесом на тротуар. Кейт удалось рассмотреть дворик с низеньким фонтанчиком, защищенный с трех сторон стенами трехэтажного п-образного жилого дома. Немного болел желудок – отголоски паники, – и она почувствовала вину перед своим троюродным братом Корбином Деллом, прибывшим в тот же день в ее заурядную квартиру в северной части Лондона. Но он знал, на что шел. Перед этим они обменялись несколькими письмами. Ее двухкомнатная квартира была уютной, недалеко от метро, но Корбин, если верить присланным фото, являлся обладателем чего-то роскошного, как в романах

Генри Джеймса¹. Тем не менее ее удивил вход во двор – прямо как итальянский, совсем не похожий на ту небольшую часть Бостона, которую она успела увидеть.

Она стояла на обочине, а водитель тем временем доставал ее багаж – чемодан на колесиках и большую спортивную сумку. Доллары она купила в своем лондонском банке еще на прошлой неделе, поэтому без проблем заплатила таксисту тонкими бумажными банкнотами. Правда, точно не знала, сколько оставлять чаевых, так что, возможно, дала больше, чем следовало бы. Когда он отъехал, она поставила спортивную сумку на чемодан с колесиками и направилась в арку.

Она прошла через двор, вымощенный плитам и кирпичом, как вдруг распахнулась центральная дверь и из нее вышел темнокожий привратник с седыми, слегка несимметричными усами.

– Эй, привет, – помахал он ей рукой. Он был одет в длинный коричневый плащ поверх костюма и форменную фуражку. Под фуражкой – очки с толстыми линзами в темной оправе.

– Привет, – попыталась улыбнуться Кейт. – Я Кэтрин Придди, должна остановиться в квартире Корбина Делла.

– Ага. Я в курсе. Мистер Делл переезжает на полгода в Лондон, а вы – сюда. Подозреваю, Лондон много потерял, а Бостон приобрел. – Он подмигнул ей, и напряжение, которое все еще сжимало грудь, отступило.

– Не знаю, – призналась Кейт.

– Я редко ошибаюсь, – уверял он. Кейт где-то читала, что бостонцы печально известны отсутствием теплого отношения к приезжим, но душевная щедрость этого швейцара доказывала обратное.

– Гляжу, все свое вы носите с собой, – заметил он, осматривая багаж. Кейт скорее почувствовала, нежели увидела, как мимо нее промелькнула девушка и вошла в здание. Привратник, казалось, не заметил.

– Если вы возьмете чемодан, я потащу сумку, – предложила Кейт. Вдвоем они перебрались через три старые мраморные ступеньки, ведущие в вестибюль. Он оставил чемодан на кафельном полу и живо проскочил на другую сторону стойки регистрации. Учитывая его вес, можно сказать, что он обладал довольно легкой походкой.

– Я обещал миссис Вэлентайн, что позвоню, когда вы прибудете. Она председатель жилищного кооператива и хочет провести для вас экскурсию по квартире.

– О, здорово, – согласилась Кейт, осмотревшись вокруг. Вестибюль был узеньким, но привлекательным. С высокого потолка свисала стеклянная четырехламповая люстра. Стены были окрашены блестящей краской кремового цвета.

– Мисс Придди здесь, в вестибюле, – сообщил он кому-то по телефону и положил трубку. – Она сейчас спустится. Давайте занесем ваш багаж в лифт. Квартира находится в северном крыле на третьем этаже. Оттуда открывается прекрасный вид на реку Чарльз. Вы бывали когда-нибудь в Бостоне?

Пока Кейт рассказывала, что никогда прежде не посещала Штаты, по одной из боковых лестниц спустилась высокая болезненно худая женщина лет семидесяти – ее туфли цокали по кафельным ступеням. На ней было длинное черное платье, вокруг шеи обмотан цветочный шарф. Седые волосы собраны в замысловатый узел. Кейт стало интересно, всегда ли она так одевается или собралась на какую-нибудь встречу. Дамочка представилась как Кэрол и

¹ Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель, за год до смерти принял британское подданство. Его романы считаются вершиной американского психологического реализма. В конце XIX века возрождает жанр мистического рассказа о привидениях.

пожала Кейт руку. Ее кисть была похожа на связку палочек, покрытых тонким слоем папиросной бумаги.

– Уверена, Кейт, что вы и сами могли бы освоиться в квартире Корбина, но, думаю, радушный прием комитета не помешает. – Привратник погрузил багаж в лифт, а Кэрол взяла у него ключ и повела Кейт по винтовой лестнице. – Вы не прочь пройти пешком? Я так ежедневно тренируюсь.

Кейт призналась, что счастлива прогуляться, и с облегчением выдохнула, обрадовавшись, что не придется ехать в лифте.

На третьем этаже Кэрол повернула налево, Кейт последовала за ней – в темный, с ковровым покрытием коридор, в котором виднелись дверные проемы слева, справа и в конце. В дверь слева стучалась девушка примерно одного с ней возраста, и Кейт показалось, что это та самая, которая промелькнула мимо нее во дворе.

– Чем могу помочь? – громко обратилась к посетительнице Кэрол.

Девушка повернулась. Она была в джинсах и свитере с глубоким вырезом. Волосы темные, коротко стриженные – ее лицо вполне могло показаться милым, если бы не отсутствие подбородка. Изъян был так заметен, что Кейт предположила: возможно, она когда-то попала в жуткую аварию.

– Вы работаете здесь? Могу ли я получить ключ от этой двери? Я беспокоюсь о своей подруге, – сказала она гнусавым, высоким от волнения голосом.

– Почему вы беспокоитесь? – спросила Кэрол. – Что случилось?

– Она мне не отвечает. Мы планировали пообедать, но она не пришла. Я позвонила ей на работу, но она там не появлялась. Я ужасно волнуюсь.

– Вы уже говорили с нашим швейцаром?

– Нет, я пошла напрямик сюда. Это так непохоже на нее, я писала и звонила ей тысячу раз.

– Извините, – сказала Кэрол. – У меня нет ключа. Вам следует поговорить с нашим швейцаром Бобом. Он что-нибудь узнает. Как зовут вашу подругу? – Кэрол продолжила движение, и Кейт последовала за ней.

– Одри Маршалл. Вы ее знаете?

– Я знакома с ней, голубушка, но знаю о ней немного. Поговорите с Бобом. Он поможет вам. Нужно было *сразу* к нему обратиться, как только приехали.

Кейт шла по краю коридора, едва ли не касаясь плечом обшитой панелями стены. Расстроенная подруга соседки своим визгливым от волнения голосом спровоцировала у Кейт новый приступ паники – тревога внутри нее раздувалась, как воздушный шар. Она подумала о таблетках в косметичке, которая по-прежнему находилась в чемодане, а тот, в свою очередь, ехал в лифте.

– Так странно, – заметила Кэрол, всовывая ключ в замочную скважину двери в конце коридора. – Как она прошла мимо швейцара? Надеюсь, ни с кем ничего страшного не случилось. – Она сказала это так, как будто в мире никогда ничего плохого не происходило. Нелепое, хотя и наполненное благими намерениями утверждение – такими часто грешил ее отец. Между тем Кейт с того самого момента, как увидела встревоженную девушку, неистово стучащую в соседнюю дверь, уже знала: кто-то умер. Так работал ее мозг. И понимание особенностей своего мышления – она постоянно запускала логику по пути с наихудшим финалом – не уменьшало ее уверенности. В тот день Кейт уже *знала*, что подросток в зале ожидания – с потным лбом и едва пробивающимся юношеским пушком над губой – тащил в рюкзаке самодельное взрывное устройство. Она *знала*, что турбулентный вихрь над Атлантическим океаном разбухнет с такой силой, что разорвет самолет на части с той же легкостью, с какой ребенок-садист отрывает крылья бабочке. Пока ничего не случилось, но это не значит, что за той дверью, дальше по коридору, не было мертвой или умирающей девушки. Конечно же была.

Кейт переключила внимание на Кэрол, которая все еще возилась с ключом. Она успела подумать, что сувальды замка, пожалуй, слишком зажаты для птичьих костяшек Кэрол, и тут же услышала маслянистый щелчок – дверь, к счастью, наконец открылась. Хотя она никогда не была в квартире Корбина, но мысленно уже устремилась туда. Ей ужасно хотелось поскорее попасть внутрь, в уютную безопасность дома. Казалось, прошли годы с тех пор, как она вышла из своей комфортной лондонской квартиры, дважды проверив замок, хотя мини-такси уже стояло на обочине с заведенным двигателем. Кэрол толкнула дверь, и в этот момент в коридоре снова послышались голоса. Кейт повернулась и увидела швейцара Боба, который тащил ее спортивную сумку. Девушка без подбородка тараторила о своем.

– Позвольте мне сначала позаботиться об этой гостье, а затем посмотрим, что там с вашей подругой, – говорил он.

Кэрол провела новую жилищу в ее квартиру, и Кейт сразу же спросила о туалете.

– Конечно, дорогая, один примыкает к спальне, – показала Кэрол, и Кейт поспешила туда, не обращая внимания на роскошную обстановку.

Она закрылась в огромной, выложенной черным и белым кафелем ванной и села на крышку унитаза. Хотя и знала, что таблеток там нет, но все равно открыла свою сумочку. Флакон с транквилизаторами оказался в боковом кармашке. Увидев таблетки, она вспомнила, что утром действительно переложила их из чемодана в сумочку. Как она могла так быстро забыть? Дрожащими руками она вытащила одну таблетку и проглотила ее, не запивая. По всему телу расплозлось чувство ужаса – столь же сильное, как недавний приступ паники.

Ей не следовало приезжать в Америку.

Глава 2

Хотя квартира действительно была огромной, Кэрол Вэлентайн не стоило растягивать экскурсию на целых полчаса, но она явно наслаждалась своей ролью. Показала дубовые полы, моренные под орех, кессонные потолки, рабочий камин, а также, как она выразилась, балкон Джульетты, который на самом деле был обычными перилами на уровне бедер, в полуметре от французской двери. Кейт точно знала, что никогда не откроет эту дверь. Квартиру нельзя было назвать особенно высокой, но высоты вполне хватало.

– Вам нравится? – спросила Кэрол, завершив обход, хотя Кейт уже раз тридцать выразила свое восхищение.

– Да. Я в восторге. Очень уютно.

– Она превосходно обставлена, правда? Кто бы мог подумать, что такой молодой человек, как Корбин... – Кэрол не закончила мысль и улыбнулась. Тонкая кожа на ее лице так натянулась, что, казалось, сквозь нее проступили точные контуры женского черепа. – Какая у вас квартира в Лондоне?

– Она вся поместилась бы в этой гостиной, – призналась Кейт. – Мне как-то даже не по себе. Сделка неравноценная.

– Да, но Лондон...

Кейт зевнула, быстро прикрывшись рукой.

– Дорогуша, вы, должно быть, утомились. Я совсем забыла о разнице во времени.

– Да, я устала, – сказала Кейт. – Дома я бы уже давно спала.

– Попробуйте не ложиться дольше обычного, так вы быстрее привыкнете к местному времени. А как только обоснуетесь, обязательно загляните ко мне – нам с вами надо выпить. Я живу на другой стороне, как раз напротив. У меня такая же планировка. Эти крайние квартиры – самые лучшие в доме. Особенно ваша – с видом на город и на реку. – Она понизила голос, как будто другие квартиры могли услышать, что она говорит.

– Жилье превосходное, – в который раз восхитилась Кейт.

– Вы знаете, здание спроектировано по образцу венецианского палаццо².

– Я так и подумала, что это итальянский стиль. Внутренний дворик подсказал.

– Архитектор из Бостона, но он вдохновился в Италии. Это, конечно, было *много лет* назад. Мой муж с удовольствием расскажет подробно, когда вы заглянете к нам на бокальчик чего-нибудь горячительного.

Кэрол ушла. Кейт закрыла за ней дверь и еще с минуту стояла ошарашенная всем происходящим, вспоминая, что случилось в ванной. Начала снова рыться в сумочке в поисках таблеток, забыв, что уже приняла одну. Она успела немного прийти в себя и успокоиться. Возможно, пилюля начала действовать, распространяя успокаивающие лучи по всему организму.

Она снова обошла квартиру, на этот раз самостоятельно, обращая внимание на детали: встроенные книжные полки, изображения на стенах. Каждая комната была великолепно меблирована, но как-то безлико, как будто все предметы подбирались наемным декоратором. В спальне напротив королевского размера кровати с мягким изголовьем стоял низкий комод, загроможденный примерно пятнадцатью фото в рамках. Семейные снимки, в основном черно-белые, большей частью праздничные. Лодки и пляжи. Кейт с интересом рассматривала их. Она узнала отца Корбина, двоюродного брата ее матери, которого она видела только на фотографиях. Он присутствовал на большинстве снимков с Корбином и с другим своим сыном – ее кузеном Филипом. Кейт задумалась, почему у Корбина нет фотографий с его мамой, но

² Классический тип палаццо в Венеции – трехэтажное (реже двух-или четырехэтажное) здание с величественным фасадом, выходящим на улицу, и уютным двором.

потом сообразила, что квартира принадлежала разведенному отцу Корбина, которого уже нет в живых, и, должно быть, фотокарточки принадлежали Деллу-старшему, а не его сыну.

Кейт гадала, что еще в этой квартире осталось в духе отца. Она полагала, что большая часть обстановки была в его стиле. Из того, что она узнала от своей мамы, Ричард Делл переехал в Бостон со своей американской женой примерно в 1970-х. Его работа была как-то связана с финансами («Движение огромных денежных средств», – говорила Люси Придди своей дочери), и в 1980-х он нажил целое состояние. Ричард жил со своей женой Аmandой в особняке в городе Нью-Эссекс на северном побережье. Когда их дети достигли подросткового возраста, они развелись. Аманде остался дом на берегу моря, а Ричард купил квартиру на Бери-стрит в Бостоне. Недвижимость перешла к Корбину после смерти Ричарда – тот утонул во время отдыха на Бермудах.

Кейт вывела всю эту информацию двумя месяцами ранее во время воскресного обеда со своими родителями.

– Со мной связался твой троюродный брат Корбин, – сказала Люси. Они сидели в зимнем саду. С обедом уже управились, но продолжали пить вино. Патрик, отец Кейт, ушел гулять с бордер-терьером³ Элис.

– О! – воскликнула Кейт.

– Думаю, вы никогда не встречались. Ты знакома с ним?

– Он сын твоего двоюродного брата Ричарда, правильно? Того, который погиб несколько лет назад?

– Он утонул, да. Ты действительно познакомилась с Ричардом на свадьбе Шарлотты. Не знаю, помнишь ли ты. Корбина я впервые увидела на похоронах его отца. – Родители Кейт поехали в Массачусетс на автомобиле, совместив печальный повод с путешествием вдоль побережья штата Мэн, куда они давно хотели.

– Он был очень милым. И таким красивым. Почти как актер из сериала «Призраки», которого ты любишь. Руперт, кажется.

– Руперт Пенри-Джонс. Зачем ты мне это рассказываешь? Такое ощущение, будто ты сейчас сообщишь, что вы договорились о моем замужестве с троюродным братом. Нас что, занесло в прошлое?

Люси засмеялась. Спонтанная версия, а не высосанные из пальца разговоры, принятые в социуме.

– Да, милая. Мы договорились. Но не о свадьбе. Я еще не впала в полный маразм. Корбин Делл на шесть месяцев переезжает в Лондон – командировка или что-то типа того. И он написал мне, поскольку знает, что ты живешь в Лондоне.

– Он же не собирается остановиться у меня?

– Нет-нет. Конечно же нет. Но он просил узнать, не заинтересует ли тебя обмен домами. Он сообщил, что ему будет приятно, если ты поживешь в его квартире в Бостоне, а он мог бы остановиться у тебя. Таким образом, он сэкономит немного денег, а у тебя появится возможность провести полгода в Америке.

Кейт глотнула белого вина. Оно было очень сладкое.

– И что мне делать в Бостоне?

– Я подумала: может, ты пошла бы на курсы, о которых говорила. У них должны быть курсы графического дизайна. Ну и, конечно, продолжала бы рисовать.

– А как же моя работа? – Кейт как раз перешла на полный рабочий день в художественном магазине в Хэмпстеде.

– Ну это ведь не та карьера, о которой ты мечтала, правда?

³ Бордер-терьер – порода охотничьих собак, которую давно разводят в Великобритании. Это старая естественная порода, не претерпевшая искусственного искажения.

В данном вопросе Кейт была согласна с мамой, но тем не менее на нее накатило раздражение, хотя она ничего и не сказала. Какой-то частью своего сознания она понимала, что глупо отказываться. Шесть месяцев в другой стране. Она никогда не была в Америке, а Бостон, должно быть, приятный город. Она слышала, что он очень удобный, в отличие от Нью-Йорка, Чикаго или Лондона. Жилье у нее будет. Возможно, даже в красивом месте. И чем больше разумных доводов приходило ей в голову, тем больше она тревожилась, понимая, что, вероятно, придется отклонить предложение. Тем более что она еще не оправилась после всего, что произошло.

– У меня такое ощущение, что я только что освоилась в Лондоне и все идет гладко. Не знаю, стоит ли раскачивать лодку.

– Безусловно, Кейт. Он спросил, вот я и решила поинтересоваться у тебя. Я все понимаю.

Кейт показалось, что мама не верит, будто она действительно согласится переехать на полгода в Бостон. Эта мысль не выходила из головы остаток дня. Отец вернулся с прогулки с Элис, и все трое решили заскочить в бар «Белый лебедь» в центре Брайнтри. Вечером Кейт села в поезд, который шел в Лондон. Она была немного навеселе, ее мозг рисовал картинки всего самого хорошего, что могло произойти в Бостоне, затем – самого плохого. Она продолжала размышлять о маминых интонациях. Она разговаривала с ней так, как будто точно знала, что Кейт собирается сказать «нет». Именно этот факт больше, чем что-либо другое, повлиял на Кейт. Возвратившись в свою лондонскую квартиру, она позвонила родителям и сообщила, что передумала.

– О! – воскликнула мама.

– Думаю, глупо не поехать. Ведь именно сейчас меня ничего здесь не держит. Кроме тебя и папы, конечно.

– Мы бы приезжали в гости.

– Скажи Корбину, что я не против переехать. А еще лучше – вышли мне его электронный адрес. Я сама скажу.

В тот же вечер, чтобы не дать себе возможности передумать, она написала Корбину. Она волновалась. Они условились об обмене с конца апреля до начала октября. Кейт предупредила на работе, что уезжает, потом нашла школу графического дизайна, где можно пройти курсы «ИнДизайн» и «Иллюстратор». И вот она здесь, ее первое занятие состоится в понедельник днем. Кейт пошла по коридору в гостиную, где привратник Боб оставил ее сумки. Она решила, что следует их распаковать, но ее накрыло волной усталости. А тут еще и голод дал о себе знать. Она пошла на кухню, оборудованную столешницами с известняковым покрытием и техникой из нержавеющей стали. Кухня выглядела так, словно ею никогда не пользовались. Она открыла холодильник. На средней полке в гордом одиночестве стояла бутылка шампанского, к которой была прилеплена желтая записка. «*Добро пожаловать, Кейт! Наслаждайся!*» – написал троюродный брат неразборчивым почерком. Кейт испытала чувство вины – она ничего не оставила Корбину в своей квартире, хотя записка ее была гораздо длиннее, с приветствием и описанием района.

Если не считать шампанского и приправ, то холодильник был практически пуст. Она открыла морозилку и обнаружила там груды замороженных обедов от продуктовой сети «Трейдер Джоуз». На обратной стороне упаковки она нашла способ приготовления замороженной говядины по-бургундски и решила, что справится. Инструкция в целом знакомая, только вместо граммов – унции, а энергетическая ценность измеряется в калориях. Она разобралась с микроволновкой и начала разогревать ужин, затем выпила стакан воды из-под крана, не успев подумать, пригодна ли она для питья. На вкус нормальная, но несколько отличается от той, к которой она привыкла. Более минерализованная, что ли. Налив себе шампанского, она пошла с бокалом к входной двери и прижалась к глазку, гадая о том, что же случилось с пропавшей девушкой, которая живет дальше по коридору. Разрешил ли Боб ее подруге войти в квар-

тиру? Вероятно, нет, решила она и попыталась предположить, что подруга будет делать дальше. От полиции, наверное, никакой пользы. Кейт достаточно наблюдала за американскими полицейскими детективами, чтобы понять: нельзя подать заявление о пропаже человека, если он отсутствует менее суток. Коридор был пуст. Может, Кейт приняла ситуацию слишком близко к сердцу и ничего страшного на самом деле нет? Возможно, девушке просто наскучила назойливая приятельница с покатым подбородком.

Кейт съела ужин, на удивление вкусный, устроившись на кухне – на одном из барных стульев у г-образной гранитной стойки островного типа. Налила себе еще бокал шампанского, сделала один глоток и снова почувствовала слабость. Голова отяжелела, в желудке было как-то нехорошо. Она собиралась распаковать багаж, достать ноутбук, отправить сообщения родным, надеялась посмотреть какие-нибудь американские телепередачи, но вместо этого закатила чемодан в спальню, зарылась в него и вытащила оттуда свои туалетные принадлежности, а также трусы-боксеры и футболку, в которых любила спать. Потом почистила зубы, умылась и забралась в чистую свежую постель. Несмотря на усталость, она некоторое время лежала без сна, слушая едва различимые звуки: отдаленный гул уличного движения, приглушенное щелканье системы отопления и что-то еще – какое-то тихое шипение, по звуку она не могла определить, что это. Кровать, подумала она, перед тем как уснуть, была самой удобной из тех, на которых она когда-либо лежала. И девушка отдалась ее власти.

Неожиданно Кейт проснулась. Вдоль диагонали высоких потолков отражались синие проблесковые сигналы. *«Где же сирены?»* – подумала Кейт. А затем: *«Где я?»* После нескольких секунд замешательства вспомнила. Во рту пересохло, ее чрезвычайно мучила жажда. Она слышала что-то похожее на звуки далекого поезда. Она перевернулась на другую сторону, выискивая светящийся циферблат часов, чтобы узнать, который час, но, если не считать проблесковых маячков полиции, мелькающих сквозь занавешенные окна, в комнате царила темнота.

Кейт села на кровати, затем снова легла. Она чувствовала себя такой уставшей, что была не в силах встать и пойти в ванную, чтобы выпить воды. Как же звали ее соседку? Пропавшую девушку? Одри Маршалл, вспомнила Кейт. Она отлично запоминала имена. В этом ей не было равных, считал Джордж. Он окрестил ее Девушкой-Никогда-Не-Забывающей-Имена. Кейт закрыла глаза, услышала, как кто-то нашептывает ей во сне, и, вздрогнув, снова проснулась. Голоса исчезли, а комната по-прежнему была погружена в темноту. Может, ей и полицейские огни приснились? *«Об этом я узнаю завтра»*, – подумала она и позволила себе провалиться в черную бездну сна.

Глава 3

Она действительно узнала об этом, но, правда, в конце следующего дня.

Она проснулась рано, в комнате все еще было темно. Она понимала, что нужно попытаться поспать немного дольше, чтобы перестроиться на бостонское время, но организм полностью проснулся и настойчиво требовал кофе.

Пришлось потратить немного времени, но она все же отыскала кофе, кофеварку и разобралась, как все это работает. Пока готовился кофе, она снова обошла огромную квартиру. В окна начинал проникать слабый утренний свет. Из центральной гостиной – самой большой комнаты в квартире – открывался замечательный вид на реку Чарльз, которая неспешно катила свои воды в сумрачном рассвете, и по ее спокойной глади расстилались облака тумана. Дальше, через реку и соседнюю дорогу, раскинулся пешеходный мостик.

Гостиная выглядела так, как будто ее подготовили для коктейльной вечеринки. Об этом свидетельствовали расставленные стулья, а также два больших дивана, стоящих друг напротив друга, а между ними – кофейный столик со стеклянной поверхностью. Кейт ненавидела такую мебель. Когда она ставила что-нибудь на стеклянный стол, ее не покидала мысль, что он должен сию же минуту разбиться вдребезги, ну или, по крайней мере, расколоться. Она всегда жила следующим моментом, причем моментом трагическим. По этой причине она ненавидела низкие перила, дорогу с оживленным движением и официантов, таскающих высокие стопки посуды. Подобные вещи всегда беспокоили, вызывая фобию, но с другой стороны, пятью годами ранее произошел случай с Джорджем, и ее жизнь изменилась навсегда. Она не могла выйти из дома больше года. Нет, хуже. Она не могла даже представить себе, как выходит из дома. Страх и горе сделали ее неподвижной. Родители вместе с врачами медленно вытаскивали Кейт из этой дыры, и жизнь приобретала смысл. Для нее было невысказано, что она может осуществить поездку в Штаты, оказаться в огромной квартире со стеклянным столиком. Она не любила стеклянные столы, но научилась с ними сосуществовать.

В гостиной не было телевизора, и она ужаснулась, предположив, что в квартире вообще не окажется телевизора. Затем вспомнила, как Кэрл Вэлентайн произносила слово «кабинет», имея в виду комнату, обшитую мореными деревянными панелями, с мягким кожаным диваном. Несколько мгновений она не могла вспомнить, где же этот кабинет, – он был за коридором, ведущим к двум гостевым спальням. Она оказалась права: телевизор нашелся – гигантский экран прятался за деревянными дверьми встроенной книжной полки. Перед диваном на столике (к счастью, не стеклянном) поверх ламинированного списка, в котором значилось не меньше ста каналов, лежал универсальный пульт.

В кабинете также стоял большой деревянный письменный стол, и Кейт заметила на нем записку. В ней значилось имя беспроводной сети («Ангелочек») и пароль. Это натолкнуло ее на мысль, что следовало бы дать о себе знать родителям, а также написать Корбину, чтобы убедиться, что он нормально добрался до ее квартиры.

Кейт достала из чемодана ноутбук и адаптер, заскочила на кухню за кружкой черного кофе и вернулась в кабинет. Девушка в очередной раз поразила размерам квартиры. Она села за стол, кожаное кресло закричало. Ей пришлось много писем, большей частью спам, но одно было от мамы и еще одно – от Корбина. Первым она открыла письмо от брата:

«Кейт,

Водитель всего несколько раз неправильно повернул, но в конце мы все же отыскали твою прекрасную квартиру. Прочел твою чрезвычайно содержательную записку. Стыдно, что я не написал такую же для тебя, и мне нет оправдания, но как только я привыкну к смене часовых поясов, вышлю

исчерпывающий список хороших баров и ресторанов неподалеку от моей квартиры. Обещаю.

Небольшой вопрос: смотрю, у тебя есть стиралка, но нет сушилки. Я что-то пропустил?

Более подробно расскажу потом. Я предвкушаю эти следующие шесть месяцев.

Корбин».

Кейт ответила:

«Я тоже. Когда зашла к тебе, подумала, что ошиблась квартирой. Так пышно! Честное слово, мне стыдно за мою жалкую квартиру со стиралкой и сушилкой «два в одном». Вот почему ты сбив с толку. Инструкция к ней, кажется, в ящике слева от мойки. Однако помни: не стоит ожидать сухой одежды в день стирки. Пожалуйста, не стесняйся писать мне по любому вопросу. Я действительно в восторге от твоей квартиры. С наилучшими пожеланиями, Кейт.

P.S. Спасибо за отличное шампанское, которое, конечно же, уже выпито».

Следующим Кейт прочла сообщение от мамы: «Горжусь тобой, милая» – и тоже ответила на него. Она потягивала свой кофе – он был куда лучше растворимого, к которому она привыкла. Издалека донеслись звуки полицейской сирены, и вдруг она вспомнила ночь и отблески синих маячков на потолке. Явь или сон? Какое-то время она не понимала, и ее снова наполнило чувство страха – то самое, которое охватило ее, когда она нашла в сумочке таблетки, будучи уверенной, что их там нет. «*Я схожу с ума?*» – спросила она себя и тут же ответила: – *Нет, это был не сон*». Безусловно, что-то происходило. Может, с той девушкой из соседней квартиры действительно случилась беда.

Кейт распаковала свои туалетные принадлежности, затем приняла душ в ванной, смежной со спальней. Он был огромен. Прямо с потолка на нее низвергались мощные потоки воды. Кейт снова вспомнила о своей квартире в Лондоне и о ванне, преобразованной в душ с резиновым шлангом, который всегда выпадал из держателя. Приняв душ, Кейт надела темные колготки, любимое платье из магазина «Боден» и решила бросить вызов внешнему миру. Перед приездом в Бостон она изучила гугл-карты окрестностей и определила местоположение ближайшей аптеки и рынка. Она намеревалась выйти и приобрести предметы первой необходимости, чтобы пережить следующие несколько дней. В понедельник у нее начинались занятия в Институте графики в Кембридже, а до него около пяти остановок на метро. Нельзя сказать, что она ожидала поездки с нетерпением, но была уверена, что справится: Лондоне она проводила подобные тренировки с врачом.

– Метро – это выбор, – говорила Кейт Теодоре. – Такси я могу взять в любом случае.

– Мы всегда делаем выбор, ведь так? – отвечала врач.

Когда Кейт впервые встретила с Теодорой, безмятежный северный акцент крайне раздражал ее, но она привыкла, точно так же как привыкла к ореолу ее курчавых волос и лиловым джемперам.

– Ну, я предпочитаю не прыгать с парашютом. Вы же не заставите меня, правда?

– Нет, я не стану принуждать вас к экстремальным действиям, но хотела бы убедить пользоваться подземкой, подниматься на десятый этаж на лифте и совершать перелеты. Все это часть полноценной жизни, не так ли, Кейт?

Конечно же, она была права. Жизнь переполнена тесными пространствами и перекрытыми выходами. Она научится справляться с трудностями.

Кейт вышла из квартиры, закрыв за собой дверь. Она замедлила шаг и превратилась в большое ухо, когда проходила мимо двери пропавшей девушки, но так ничего и не услышала. Спустилась в вестибюль, прошла мимо привратника, который сменил Боба, и вышла прямо во двор. Небо было серым и волнистым, а свет таким сумеречным, что Кейт даже встревожилась – не проспала ли она весь день? Ноздри уловили запах сигаретного дыма. Кейт бросила курить сразу после университета, но ей по-прежнему нравился табачный дух. Она поискала источник запаха и увидела мужчину, сидящего на краю центрального фонтана во дворе. Он затушил сигарету о плиту. Кейт как раз проходила мимо него, когда он начал подыматься.

– Извините, – смутился он, показывая на погасшую сигарету.

– Мне все равно, – сказала Кейт, останавливаясь и глядя на него. Он был худой, почти костлявый, но с широкими плечами. На узком лице доминировал большой нос с горбинкой. У него были серовато-зеленые глубоко запавшие глаза, а кожа лица была покрыта редкими оспинами. По идее, он должен выглядеть уродливо, но ничего подобного не наблюдалось. Его нестандартные черты формировали печальное и красивое лицо.

– На самом деле я не курю. Бросил. Но вот нашел сигарету в ящике стола и представил, как выкуриваю ее, чтобы напомнить себе, как это ужасно.

Голос был глубоким и приветливым, и Кейт, которая не успела акклиматизироваться и все еще путалась во времени, почувствовала слабость в ногах.

– Неужто ужасно? – спросила она.

– Нет, конечно же нет. Было здорово.

– Курение – это здорово, – согласилась Кейт.

И почему они общаются как старые друзья? Неужели в Америке так разговаривают с незнакомцами?

– Вы курите?

– Было дело. Бросила. Пришлось нелегко.

– Как вы это сделали?

– Просто не курила.

Мужчина засмеялся. У него были пугающе белые зубы – верхние ровные, а нижние немного искривленные.

– Я Алан Черни.

– Кейт, временно живу здесь. – Она вдруг решила проявить осторожность и не стала называть свою фамилию.

– Вы англичанка? – поинтересовался он.

– Да. Остановилась в квартире кузена, а он – в моей лондонской.

– Вы в какой квартире? – Глаза Алана Черни бегло просканировали здание.

Кейт кивнула в направлении своего крыла:

– Э-э-э, резиденция Корбина Делла. Наверху.

– А, северное крыло. Я живу на другой стороне, третий этаж. Я знаю Корбина. Немножко.

– Вы знаете его лучше меня. Мы никогда с ним не встречались.

– Забавно, – рассмеялся Алан. – Как так вышло?

Кейт рассказала ему историю, упуская то обстоятельство, что к этой поездке ее частично побудила потребность преодолеть травмы прошлого.

– Хорошая сделка, – сказал Алан. – Довольно милые апартаменты.

– Вы долго здесь живете?

– Немногим больше года. Переехал сюда с богатой подругой, а она ушла, и теперь я не могу себе позволить такое жилье, так что пора подыскать новое место.

– Жаль.

– Чего жаль? – лукаво улыбнулся он. – Что я остался без девушки или что мне придется выехать?

Кейт расхохоталась:

– Не знаю. И то и другое.

Он приподнял брови:

– А мне как жаль! Вот привык к богатой девушке и красивой квартире, а в следующем месяце – уже один и в какой-то лачуге.

– Что-то вроде того.

Порыв ветра подхватил мокрый желтый лист с той части двора, которая была вымощена кирпичом, и прилепил его к ботинку Кейт. Она наклонилась, чтобы прогнать непрошеного гостя, а когда выпрямилась – наступила минута тишины. Кейт поняла, что разговаривает с незнакомцем почти пятнадцать минут.

– Ладно, – вздохнула она и запнулась. Отвела от него взгляд и почувствовала, как щеки заливаются румянцем. На один короткий миг Кейт показалось, что, если он попросит, она последует за ним куда угодно – в его апартаменты, напрямик в постель. Он был красив, да, даже большой крючковатый нос его не портил. И она пошла бы за ним, поскольку возникло такое чувство, будто они давно друг друга знают.

– Вам нужно идти, – произнес он ее мысль.

– Да. – И они оба захохотали.

– Я обитаю в квартире 3L, – объявил он. – Похоже, не скоро съеду, так что еще увидимся.

– Отлично, – сказала Кейт.

Она отошла на два шага и остановилась:

– Вы не знаете девушку по имени Одри Маршалл? Она живет здесь.

Алан вскинул бровь:

– Я действительно знаю Одри. Точнее, знаю, кто она. На самом же деле мы незнакомы.

– Когда я въезжала прошлым вечером, ее искала подруга. Беспokoилась, что Одри пропала.

Кейт надеялась, что он как-то успокоит ее, но вместо этого услышала:

– Звучит не очень хорошо. Она не из тех, кто пропадает.

– Что вы имеете в виду?

– Ой, даже не знаю. Наверное, то, что она постоянно где-то рядом. Я всегда ее вижу. Часто. Уверен, что она вернется.

Кейт достала из сумки распечатанную карту окрестностей, хотя на прошлой неделе так тщательно ее изучила, что могла запросто обойтись без нее. Она пошла вниз по Бери-стрит, свернула на Чарльз-стрит и решила заглянуть в «Старбакс» – там она позавтракала сэндвичем и выпила кофе. Вторая чашка была ошибкой – она стала напряженной и очень нервничала, совершая покупки в престижном продовольственном магазине с узкими, заставленными товаром проходами. Она планировала закупить ингредиенты на свою любимую пасту с копченым лососем, но, почувствовав приближение паники, взяла только буханку хлеба из бездрожжевого теста, сыр чеддер, пакет молока и две бутылки красного вина. На улице теплый дождик смешался с порывистым ветром. Приятно было ощущать его на коже после душного магазина, и она медленно пошла назад вдоль Чарльз-стрит, отмечая, что здесь есть хорошо освещенный приветливый бар, а также кофейня, где не такое столпотворение, как в «Старбаксе».

Она умышленно пошла через освещенную газовыми фонарями улицу, которая вела обратно на холм, к Бери-стрит, и продолжила бродить по окраинам городского сада Паб-лик-гарден. Сумка с продуктами обрывала руки, но ей очень хотелось увидеть знаменитый

парк⁴. Дождь набирал силу, и родители спешно уводили детей от выстроенных в ряд бронзовых уточек. В пруду мерцали ивы. Она почти вошла в парк, но передумала. Она пробудет здесь полгода – успеет еще.

Кейт заскочила в вестибюль. Представилась швейцару по имени Санибел – художнику с высокими скулами и черными волосами. Он предложил помочь с сумками, но она отказалась:

– Нет, спасибо, – улыбнулась Кейт. Белый кот, сидевший на стойке регистрации, спрыгнул на пол и потерялся о ее ноги.

– Это Сандерс, – прокомментировал швейцар.

– Ваш?

– Нет-нет. Его хозяйка – миссис Гальперин. Сверху. – Он кивнул в направлении квартиры Кейт. – Хотя он любит бродить по всему дому, чего не скажешь о миссис Гальперин.

Кейт пошла вверх по лестнице, Сандерс побежал следом. Кэрол Вэлентайн упоминала Флоренс Гальперин – она жила в том же крыле, что и Кейт. Проходя мимо ее квартиры, девушка заметила, как дверь со скрипом открылась, вероятно для Сандерса, но кот пошел за Кейт и даже умудрился проскользнуть в ее квартиру, хотя она и пыталась преградить ему путь ногой.

Она сложила купленные продукты и пошла искать Сандерса. Кот по-хозяйски запрыгнул на подоконник и наблюдал в окно за каплями дождя. Кейт резко подхватила его, ожидая, что он начнет вырываться, но четвероногий гость положил голову ей на плечо и тихо замурлыкал. Кейт недолюбливала кошек, но к этому созданию почувствовала некую расположенность, что, впрочем, не помешало выдворить его:

– Ты ошибся квартирой, Сандерс, – сказала она и, бросив его на ковер в коридоре, быстро закрыла дверь.

Кейт пошла в спальню и достала альбом, который привезла с собой из Лондона. Совершенно новый – то, что нужно, чтобы ознаменовать начало ее пребывания в новой стране. Она вытаскала угольный карандаш из новой пачки, села на пышно укрытый коврами пол и решила нарисовать Сандерса. Однако вместо кота на бумаге появилось лицо Алана Черни. Оно получилось почти идеальным, но чего-то не хватало: глаза размещены слишком близко друг к другу, волосы немного длиннее, чем нужно. Она достала ластик и подправила рисунок. Понадобилось больше времени, чтобы исправить эскиз, чем на сам портрет, но в итоге все вышло удачно. Она написала его имя, ниже – дату и еще добавила: «БОСТОН, МАССАЧУСЕТС». Она рисовала портреты почти всех людей, которые встречались на ее жизненном пути. У нее была куча таких альбомов, самые первые – из начальной школы. Она часто перелистывала их, особенно когда не выходила из дома. Это как читать дневник – здесь были лица близких друзей, зарисованные спустя несколько часов после их первой встречи, и лица людей, о которых она позабыла. Глядя на портрет Алана, она пыталась спрогнозировать, узнает ли его через десять лет. А может быть, это портрет ее будущего мужа, нарисованный в день встречи? Вероятнее всего, первое.

Она перевернула лист, закрыла глаза и попыталась представить Кэрол Вэлентайн – старушку, которая показывала ей квартиру. Вспомнила ее глаза, лоб, волосы, шею, но рот и нос всплывали в памяти не очень отчетливо. И вместо того чтобы нарисовать старушку, Кейт изобразила себя. Она прекрасно помнила, как выглядела тем утром в зеркале ванной. Недавно остриженные волосы с одной стороны убраны за ухо. Немного опухшие глаза – сказался длительный обезвоживающий перелет. Она пририсовала себе улыбку – получилась испуганная гримаса взволнованной подружки невесты, которая собирается произнести речь. Настроение передано не совсем точно, но она оставила все как есть. Она почти никогда не подправляла автопортреты.

⁴ Паблик-гарден, основанный в 1837 году, стал первым общественным ботаническим садом в США.

Следующий лист она посвятила Санибелу – привратнику, с которым только что познакомилась. Она не стала рисовать лицо, а изобразила его в полный рост у стойки регистрации. А внизу еще добавила Сандерса. Раньше она не увлекалась котами, и Сандерс не получился – он выглядел каким-то свирепым, хотя на самом деле был каким угодно, но точно не свирепым.

Кейт закинула альбом под кровать и встала – голод снова позвал на кухню. Она сделала себе бутерброд с сыром и с удовольствием съела. Хотела было открыть вино, но передумала. За окном хлестал дождь, и ей представился художник, взбалтывающий аэрозольную краску перед холстом. Она какое-то время всматривалась в кухонное окно, размышляя о том, как ей хорошо в этих апартаментах. И не потому, что они роскошны: ей нравились высокие потолки и большие окна, она могла здесь дышать. Она решила приготовить себе чай, но вспомнила, что забыла его купить. Правда, потом нашла коробку «Рэд роуз» в одном из высоких буфетов. Наполнила чайник водой, поставила на газовую плиту, пошла в гостиную и стала рассматривать книжные полки, встроенные в стену. Здесь были добротные издания – большей частью в твердом переплете, хотя нашлась целая полка с книгами американского писателя Джона Данна Макдональда в мягкой обложке. Она вытащила одну. «Темнее, чем янтарь». Приключения Трэвиса Макги. На обложке – сочная картинка с изображением сексапильной девушки в коротком топике. Страницы пожелтели от времени. «Книги, должно быть, принадлежали отцу Корбина, – подумала Кейт. – А где же книги Корбина? Были ли они у него?» Под чтивом о Трэвисе Макги располагались другие детективы в мягком переплете. Она достала роман «Перелом» английского писателя Дика Фрэнсиса – кажется, она его еще не читала – и отправилась к длинному бежевому дивану, стоящему под самым большим окном комнаты. Она улеглась, прочла первые несколько абзацев, после чего глаза сами собой закрылись, – и она моментально уснула.

Ей снился парк, пруд, укрытый рябью, и яростный дождь. Она стоит под ивой, под ее желтыми ветвями. На другой стороне пруда – Джордж Дэниэлз. Кейт не удивилась, что он в Бостоне и до сих пор жив – в ее снах он всегда жив и всегда приходит за ней. Внезапно он замечает ее, спрятавшуюся под ивой, и начинает переплывать пруд. Кейт держит винтовку, и, когда Джордж выходит из воды, мокрый и улыбающийся, она несколько раз стреляет в него, но пули лишь оставляют след на рубашке и больше ничего. Одна из пуль попадает ему в подбородок, а он смахивает ее, как слепня, и продолжает идти.

От ужаса она проснулась, шея и грудь покрылись испариной. В воздухе висел запах чего-то горького и острого. Вспомнив о чайнике, она вскочила с дивана и побежала на кухню. Дик Фрэнсис со стуком упал на пол. Чайник выкипел и начал подгорать. Она открыла пошире окно и, ухватив дымящуюся посудину полотенцем, выставила на подоконник. Капли дождя падали с неба на горячий металл, и чайник активно возмущался, издавая резкие шипящие звуки. Капал дождь, и капали слезы из глаз Кейт. Она вспомнила свой сон. Джордж в парке и пули, оставляющие царапины на его рубашке. Кейт глупо улыбнулась, понимая, что в ее снах он последовал за ней в Америку. Конечно же, он поехал за ней. Если бы ее сны были царством, то Джордж оставался бы там королем всю жизнь.

Когда чайник перестал шипеть, она убрала его с подоконника. Дно полностью почернело, так что придется покупать новый. Металл все еще оставался теплым, потому она поставила его в глубокую мойку из нержавеющей стали и вернулась на диван. На этот раз, прежде чем снова уснуть, она успела прочесть половину книги.

Ее разбудил стук в дверь. Она моментально проснулась, не понимая, как долго спала и который теперь час. За окном все еще было светло, но в квартире стало темно и уныло. Снова послышался стук – все громче и громче. Она встала, в коленном суставе что-то хрустнуло. Сколько же она проспала?

Кейт подошла к двери и заглянула в глазок. Она ожидала увидеть Алана, но там оказалось лицо женщины с короткой прической, кофейного цвета кожей и карими глазами, в которых

отсутствовал интерес. «*Полиция*», – догадалась Кейт. «*Одри Маршалл мертва*», – раздался в голове тихий голос. Это Джордж Дэниэлз шептал у нее в мозгу. Кейт распахнула дверь.

Глава 4

Женщина представилась детективом Джеймс, отстегнула значок от пояса и показала Кейт. Девушка пригласила ее войти и, закрывая дверь, заметила еще двух офицеров в форме, стоящих немного дальше по коридору, у одного из них трещала рация.

– Одри Маршалл мертва? – автоматически спросила Кейт.

– Откуда возник такой вопрос? – поинтересовалась в свою очередь детектив, слегка удивившись.

– Я, э-э-э, слышала, что она пропала.

– Когда слышали?

Кейт рассказала о своем вчерашнем приезде и о подруге, колотившей в соседнюю дверь.

– Когда именно? – задала уточняющий вопрос детектив, вытащив блокнотик из внутреннего кармана темно-серого пиджака.

Кейт назвала приблизительное время и, пока представитель полиции записывала показания, изучала ее. У нее было длинное, с высокими скулами лицо, и девушке показалось, что она никогда не пользуется макияжем. Детектив оторвала глаза от блокнота, и Кейт увидела, как у нее ежеминутно расширяются ноздри.

– Я оставила чайник на плите, – пояснила Кейт.

– Извините. Я не...

– Час назад я забыла выключить чайник и сожгла его. Оттуда и запах.

– Вот оно в чем дело! Я действительно почувствовала запах.

– Не хотите ли присесть?

Детектив бегло осмотрела комнату:

– Нет, спасибо. Сейчас я просто собираю показания. И мне хотелось бы получить от вас немного информации в хронологической последовательности.

– Она мертва, да? – не унималась Кейт.

– Нас направили расследовать подозрительную смерть в соседней квартире. Мы еще должным образом не идентифицировали тело.

– Понятно.

– Вы сказали, что только что переехали из Лондона, правильно? Вы ее не знали?

– Нет, я никого здесь не знаю. Так, значит, это убийство?

– Мы расследуем происшествие как подозрительную смерть. Что вы можете рассказать о владельце данной квартиры?

– Он мой троюродный брат. Корбин Делл. На самом деле я с ним не знакома. Мы никогда не встречались – просто организовали обмен квартирами из-за его командировки в Лондон.

Детектив записала еще что-то в свой блокнот и задала следующий вопрос:

– Полагаю, вам неизвестно, в каких отношениях с Одри Маршалл находился Корбин Делл?

– Понятия не имею.

– Номер телефона вашей лондонской квартиры?

– Как ни странно, там нет телефона. Я пользуюсь мобильным. Но у меня есть электронный адрес Корбина. Могу дать, если хотите.

– Было бы здорово, – обрадовалась детектив.

Кейт прошла в кабинет и, включив компьютер, открыла страничку своей электронной почты. В глаза бросилось несколько непрочитанных сообщений, выделенных жирным шрифтом, включая ответ от Корбина. Она открыла письмо:

«Спасибо за совет насчет бара “Говядина и пудинг”. Вряд ли я туда забрел бы, если бы действовал самостоятельно. Он немного напомнил мне о местечке под названием “Таверна св. Стефана” неподалеку от тебя. Зацени. Познакомился с твоей соседкой Мартой. Она, похоже, узнала меня или, услышав резкий американский акцент, просто угадала. Надеюсь, у тебя все хорошо. К.».

Кейт нашла клочок бумаги и записала электронный адрес Корбина. Позже она будет волноваться о Марте.

Она принесла листочек детективу Джеймс, которая в тот момент смотрела на экран своего смартфона:

– Спасибо. Я напишу ему, – поблагодарила она, согнула листик пополам и засунула в карман пиджака.

– Я хотела бы его предупредить. Только что получила от него сообщение и собираюсь ответить...

– Можете проинформировать его, что была полиция и с ним выйдут на связь. Не стоит делать никаких заявлений насчет Одри Маршалл, пока мы не опознаем ее, хорошо?

– Да, конечно.

– Вы нам очень помогли. – Она повернулась к выходу. Кейт обошла ее и открыла дверь. В коридоре уже собралась небольшая толпа, включая пожилого мужчину в костюме, который сразу же бросился к детективу Джеймс:

– Надо же! Вот вы где!

Перед тем как уйти, детектив предупредила:

– Нам, возможно, придется обыскать ваши апартаменты. Вы дадите согласие?

– Зачем? – не поняла Кейт.

Детектив поджала губы:

– Если найдем связь между смертью девушки и вашим кузеном, мы будем вынуждены провести обыск. Это все, что я могу сказать.

– Думаю, со мной проблем не будет, – пообещала Кейт.

– Большое спасибо. Будем на связи. – Детектив вручила Кейт свою визитку и ушла. Закрыв дверь, девушка оставилась на карточку. «РОБЕРТА ДЖЕЙМС, ДЕТЕКТИВ». Под именем был изображен знак бостонского департамента полиции, номер телефона и электронный адрес.

Кейт прижалась ухом к двери, пытаясь разобрать, что происходит в коридоре. Однако кроме невнятных шумов – треска раций и гула неразличимых голосов – ничего не расслышала. Посмотрела в глазок и увидела, как Роберта Джеймс стучится в третью квартиру, расположенную в коридоре. Дверь распахнулась, детектив показала свой значок, но Кейт не удалось заглянуть в ту квартиру. Пока опрашивали других соседей, с лестницы в коридор зашли двое офицеров в штатском и перекрыли обзор. Оба были плотного телосложения, в темных костюмах, один был чисто выбрит, другой носил седую козлиную бородку.

Кейт накрыла волна паники – не столько из-за убийства, сколько из-за того, что полицейские заблокировали все входы и выходы. Выйти в коридор, заполненный полицейскими и следователями, не представлялось возможным. Кейт направилась обратно в квартиру, методично делая вдохи носом, а выдохи – ртом. Успокоившись, она воссоздала в памяти короткий разговор с детективом. Интересно, это у них обычная практика – после убийства обыскивать соседей? Кейт полагала, что нет. Она подошла к компьютеру и погуглила Одри Маршалл. Обычное имя – выскочило множество сайтов с родословными и несколько профилей «Фейсбука». Она добавила в поисковую строку «Бостон» и нашла заблокированный профиль в социальной сети «ЛинкдИн», но зато с прикрепленным фото. Она щелкнула мышкой – открылась небольшая черно-белая фотография девушки с чрезвычайно огромными глазами и по-мальчишески

короткой стрижкой, почти как у Джин Сиберг из фильма «На последнем дыхании». Она работала в издательском доме в Бостоне, а вся ее предыдущая трудовая деятельность проходила в Нью-Йорке. Кейт знала, что это та самая Одри Маршалл. Она пристально вглядывалась в ее мозаичные глаза на мониторе, а те, в свою очередь, буравили Кейт. «*Я мертва*, – говорили прекрасные глаза, – *но так я выглядела при жизни*». Одри Маршалл была довольно красивой, и Кейт стало интересно: возможно, Корбин Делл действительно как-то связан с ней. Они, скорее всего, знали друг друга – во всяком случае, в коридоре точно пересекались, и наверняка довольно часто.

Кейт понимала, что нужно сделать. Она очень хорошо осознавала, что *хочет* сделать. Ей следует самой обследовать квартиру. Пока полиция не пришла с обыском, она может первой осмотреть жилье и, возможно, найти важную улику. Это подскажет ей, что делать дальше. Она начала со спальни – пробежалась по всем ящикам, выискивая тайники и заглядывая под матрас. Она впервые осматривала это место и была поражена отсутствием личных вещей. В углу гардеробной нашла старый обветшалый комод, наполненный фотографиями. Большая часть из них находилась в тех же конвертах, в которых их принесли из фотоателье. Она быстро перелистнула несколько штук – ясно, что все они принадлежали отцу Корбина. Старые семейные праздники. Празднование Рождества. Целая пленка, похоже, посвящена старенькому спидстеру⁵ марки «Порше». А где фотографии Корбина? Там же, где и ее, – в личном компьютере и телефоне.

Она обыскала ванную, затем гостиную и перешла в кухню. Именно в кухне она нашла то, что могло иметь значение. В одном из ящиков за лотком для столовых приборов лежали несколько несвязанных ключей – одни без каких-либо меток, к другим были прикреплены белые круглые бирки с надписями. «КЛАДОВКА», «ДОМ Н.Е.» и инициалы «ОМ». Неужели Корбин хранит ключи от квартиры Одри Маршалл? Если да, то почему? Это может означать что угодно. Возможно, у них были романтические отношения, достаточно близкие, и они обменялись ключами. А может, она просто дала ему ключ, чтобы он поливал цветы, когда она в отъезде.

Кейт продолжила поиски в остальной части квартиры и везде находила следы жизнедеятельности исключительно Ричарда Делла, но затем обнаружила нечто, принадлежащее Корбину. В кабинете, в шкафу, она наткнулась на картонную коробку с видеокассетами, на которые были наклеены стикеры типа СВАДЬБА КЛАРИССЫ и ПРОКАТ ЧАТЕМА, 95. В коробке также валялся старый кожаный футбольный мяч. Кейт пробежалась пальцами по пыльной кожаной поверхности. Коробка с видеокассетами и мячом стояла на огромном пластиковом ящике, который, похоже, когда-то служил приложением к шкафу. Кейт сдвинула коробку с видеокассетами и вытащила ящик. Внутри была кипа тетрадок из колледжа – что-то, связанное с экономикой. Там же хранились два диплома в рамочках: магистра бизнеса Колледжа Андруса в Нью-Йорке и бакалавра гуманитарных наук Колледжа Мазера в Коннектикуте. Оба выписаны на имя Корбина Гарримана Делла. Она вытащила ящик на середину кабинета, которая была лучше освещена. Случайно ли Корбин спрятал свои вещи под коробку отца? Она внимательно просмотрела содержимое ящика. Между тетрадками оказалась связка документов, несколько фотографий и маленький блокнотик – все было перевязано бечевкой. Она пролистала края документов и фотографий. Вроде бы какие-то ведомости об успеваемости из колледжа или бизнес-школы. Но тут ей на глаза попало фото – глянцевое изображение темно-волосой девушки, судя по всему студентки, которая сидела на пляже, обдуваемая холодным ветром. На ней были джинсы и большой свитер под горло. Взгляд направлен мимо объектива, рот приоткрыт – видимо, что-то говорит. Кейт перевернула фотографию и прочла на обороте надпись: «РЕЙЧЕЛ НА ПЛЯЖЕ АННИСКВАМ». Без даты. У Кейт застучало в висках: «*Где*

⁵ Спидстер – двухместный спортивный автомобиль с открытым верхом, без боковых стекол.

сейчас Рейчел? – В голове возникли сцены трагедий и убитых девушек. Она вздрогнула и сжала пальцы. – *Просто оттого, что я что-то придумываю, это не становится правдой*, – сказала она себе. Еще одна целительная мантра.

Кейт начала запикивать фотографию обратно, но внезапно решила посмотреть еще и блокнот. Она развязала бечевку и вытащила его. Он был в кожаном переплете, с тисненой печатью Колледжа Андруса. Кейт открыла его, пытаясь избавиться от чувства вины: в конце концов, это обычный ежедневник. Исписанный острым мелким почерком, он был начат шесть лет назад. Она прочла несколько записей – в основном расписания занятий, даты выплаты долгов и, конечно же, время встреч вроде «Выпивка с Г.» или «Вечеринка в Эстерхаусе». Она закрыла дневник, вернула его обратно в связку и положила в ящик.

Девушка прошла по квартире, размышляя, надо ли отписаться Корбину в Лондон, как вдруг услышала стук в дверь. На пороге снова стояла детектив Роберта Джеймс, на этот раз в сопровождении двух офицеров в форме.

– Мы хотели бы осмотреть ваше жилище, если позволите. – Лицо детектива было напряжено, голос сдержанный.

– Полагаю, что позволю, – сказала Кейт и тут же засомневалась. А вдруг она делает ошибку, позволяя полиции обыскивать апартаменты Корбина? Может, следовало попросить ордер?

– Это не займет много времени, – пообещала детектив, пока ее спутники, направляясь в квартиру, надевали светло-голубые латексные перчатки. Кейт заметила, как они повернули налево, в спальню. Она обратила внимание на пистолеты, которые американские полицейские по обыкновению носят на поясе. Кейт стало интересно, что будет, если она прикоснется к оружию. Ее сразу же бросят на пол и наденут наручники? – У меня возникла парочка вопросов, – продолжила детектив Джеймс. – Мы можем где-нибудь поговорить?

Кейт повела детектива в гостиную, и они уселись на двух диванах, стоящих друг напротив друга.

– Красивые апартаменты, – начала издали детектив Джеймс.

– Знаю. Вы тоже так думаете? Моя квартира в Лондоне совсем не похожа на эту. Просто обычная каморка.

– Итак, во время ваших переговоров насчет квартирного обмена не было речи о соседях? Упомянул ли Корбин когда-нибудь об Одри Маршалл?

– Нет, ничего подобного. Он вообще ни о ком не говорил. Могу я спросить, что вы надеетесь здесь найти?

Детектив сжала челюсти:

– Я не *надеюсь* что-то найти, но мы должны все осмотреть. У нас нет причин подозревать Корбина в чем бы то ни было, если вас это интересует.

– Нет-нет, я знаю.

– Что вы можете рассказать о перелете вашего кузена в Лондон?

– Все, что мне известно, – это то, что у него был ночной рейс и он добрался до Лондона в пятницу утром. Таким образом, получается, что вылетел он в четверг вечером.

Детектив Джеймс записывала ответы Кейт в блокнот. Один из полицейских прошел через гостиную, направляясь в другую часть квартиры. Кажется, они быстро справились с обыском.

– А вы не встречались с ним в Лондоне перед отъездом?

– Нет. Как я уже говорила, я никогда в жизни с ним не виделась, как бы странно это ни звучало.

– Ладно. – Детектив спрятала блокнот во внутренний карман пиджака, положила ладони на колени и поднялась. – Пойду посмотрю, как продвигаются поиски. Должно быть, почти закончили. Вы не находили здесь запертых дверей? Или, возможно, вам запрещено входить в какие-нибудь комнаты или чуланы?

– Нет, ничего такого.

Детектив Джеймс медленно пошла на западную сторону квартиры и остановилась у окна. Кейт осталась сидеть. Дождь прекратился, тучи рассеялись. Детектив пальцем отодвинула штору, посмотрела на улицу и пошла дальше. Она была высокая, с идеальной осанкой, и Кейт тоже автоматически расправила плечи. Один из полицейских с латексными перчатками в руках вернулся в гостиную. Детектив вопросительно взглянула на него, но он покачал головой:

– Ничего, – сказал он сдавленным голосом, как будто был простужен.

Другой полицейский вышел из кухни. Кейт не слышала звука открывающихся ящичков. Стоит ли упоминать, что она видела ключ с инициалами? Может, они и пытались отыскать что-то подобное?

Пока она собиралась с мыслями, все трое направились к выходу. Детектив поблагодарила Кейт за помощь и попросила позвонить, если что-нибудь произойдет. Кейт встала, и прежде чем сообразила, что ответить, они уже были за дверью. Она снова осталась одна в огромной квартире.

Глава 5

Кейт снова сделала бутерброд с сыром на ужин и открыла бутылку вина. Она ела в кабинете, лениво переключая каналы кабельного телевидения, пока не остановилась на американском реалити-шоу о ловцах крабов на Аляске. Когда передача закончилась, она нашла другой канал, по которому шел триллер «Полуночное кружево» с Дорис Дэй и Рексом Харрисоном. Она начала смотреть. Фильм показался не очень интересным, но сюжета было вполне достаточно, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей о том, что случилось дальше по коридору.

Посреди фильма Кейт обнаружила рычаг на кожаном диване, с помощью которого он раскладывался. Она ловко сманеврировала им и теперь могла растянуться и продолжить просмотр ленты. Внезапно она почувствовала такую усталость, как будто конечности превратились в омертвевшие отростки. И почти мгновенно началось другое кино – что-то черно-белое, хотя там тоже снимался Рекс Харрисон. Он был с бородой, одет в водолазку. Фильм был какой-то знакомый, и Кейт подумала, что уже видела его раньше. Она уснула – должна была уснуть, – даже не поняв, как это случилось. Она чувствовала себя дезориентированной и встревоженной. Часы на декодере показывали 5: 45. Губы слиплись, после выпитого вина раскалывалась голова. Ей казалось, что прошедший день содержал в себе много дней, разделенных короткими снами – такими же глубокими, как полноценные ночные сны. Еще только воскресенье, а такое ощущение, будто она в Бостоне уже неделю.

Она выключила телевизор, вернула диван в нормальное положение и встала. Из носа текло, и рука скользнула в карман платья за носовым платком. Ничего подходящего не нашлось, но пальцы наткнулись на ключ. Она вытащила его из кармана. Это был ключ, который она видела раньше в ящике со столовыми приборами, – тот самый, с надписью «ОМ» на белой бирке. Кейт не помнила, как положила его в карман. Когда она это сделала? Когда первый раз заглянула в ящик или уже позже? Она быстро помотала головой, пытаясь растормошить себя и заставить вспомнить.

Она пошла на кухню. Воздух казался плотным, как резина. Боже, она выжата как лимон. Прошло много лет с тех пор, как она пересекала часовые пояса и испытывала сбой биоритма. Она положила ключ на барную стойку и начала готовить кофе. Пока он варился, Кейт снова взяла ключ и вдруг поняла, что ей необходимо выяснить, подходит ли этот ключ к замку квартиры Одри Маршалл. *«Я просто поверну его, а потом сообщу полиции»*, – уговаривала она себя. Возможно, этот ключ вовсе и не подходит. «ОМ» могло означать все что угодно.

Даже не обувшись, Кейт вышла из квартиры и направилась к двери Одри Маршалл. Дверь была ограждена крест-накрест сигнальной лентой из кинофильмов о преступлениях. Она засунула ключ в замок, провернула его и толкнула дверь. Дверь распахнулась. Зная, что не следует так делать, но понимая, что это ее долг, Кейт нырнула под ленту и вошла в квартиру. Из-за страха и усталости ей казалось, что она ничего не делает, а просто смотрит на себя со стороны. Она закрыла за собой дверь и осталась стоять, привыкая к темноте. Бросила взгляд из короткого коридорчика в гостиную – гораздо меньшую, чем у Корбина, но такую же изысканную. Кейт внимательно исследовала пол, пытаясь вычислить, где нашли тело Одри Маршалл, но ничего не увидела. То ли это место? Она сделала три аккуратных шага вглубь квартиры. В воздухе чувствовался химический запах. Темно, но шторы открыты, и слабое зарево утреннего неба позволило разглядеть очертания мебели, кофейного столика, захламленного книгами и бутылками из-под вина.

«Убийство произошло не здесь, – подумала она. – Где кровь, где перевернутый стул, где запах смерти?» Ей сейчас это снится или снилось раньше?

Даже с такими мыслями Кейт была на удивление спокойна. Один из парадоксов ее беспокойной жизни заключался в том, что в хаосе своих опрометчивых действий она чувствовала

себя самой нормальной. Все происходило так, как будто тревога, всегда сопровождающая ее, имела право на существование. Стоя в квартире убитой девушки на следующее утро после обнаружения тела, она размышляла не о ней, а о своем участившемся сердцебиении и остывших конечностях. Она уже собралась было возвращаться домой, но вместо этого зачем-то сделала несколько шагов вперед, и перед ней открылся замечательный вид из большого венецианского окна. Окно выглядывало во двор, и Кейт удалось рассмотреть слабый оранжевый свет над плоской крышей противоположного крыла. Все окна в том крыле были темными, а в окне прямо напротив Кейт не увидела, а скорее почувствовала некое движение. Она инстинктивно отступила назад, в полумрак квартиры.

Она заметила, как на той стороне включился свет и комнату пересекла фигура, потом остановилась и посмотрела в окно. Освещения как раз хватило, чтобы у Кейт не осталось сомнений, что фигура принадлежала Алану Черни – мужчине, с которым она познакомилась во дворе. Те же волосы, угловатые черты, покатые плечи. Кейт перестала дышать, опасаясь, что любое движение может выдать ее. Так они стояли друг напротив друга долгую ужасную минуту. Кейт была не в силах пошевелиться. Он продолжал смотреть. Вот он поднял руку и потер левый глаз. Над крышей скользнули первые лучи солнца, пробивающиеся с востока, и Кейт вдруг сообразила, что Алан вполне мог заметить ее. Она двинулась назад, ступая по своим следам, – так делают люди, когда не хотят оставлять лишние отпечатки на снегу.

Он продолжал смотреть, а Кейт вжалась спиной в дверь, опасаясь, что он ее увидит, и одновременно не в силах отвести взгляд.

Глава 6

Алан пристально вглядывался в окно квартиры Одри Маршалл. На мгновение показалось, он мог бы поклясться, что оттуда кто-то смотрел на него. Он почти не спал последние сутки, и серый полумрак размывал и приглушал его сознание. И хотя ноги дрожали от усталости и его тошнило от голода, он все равно не сводил глаз с окна – как кот, который гипнотизирует мышь, вынырнувшую из щели в полу.

Полицейские автомобили все утро ездили взад-вперед по улице. Прибыла скорая помощь, по зданию то и дело сновали офицеры в форме.

Зачем он все еще наблюдает за апартаментами Одри? Наверное, привычка. Он так долго следил за квартирой, что изучил ее хозяйку до мельчайших подробностей. Знал, как она ходит по квартире, в чем спит, как долго чистит зубы. Он выяснил об Одри все – ну или почти все, – наблюдая за ней через окно.

Это началось год назад, через несколько месяцев после того, как Алан начал жить с Куинн. Была вторая суббота декабря, обычная суббота с Куинн. Они пообедали с друзьями, затем прошлись по магазинам, сходили в спортзал, купили рождественскую елку – такую большую, что еле затащили ее в квартиру, усыпав сосновыми иголками лестницу и коридор. Они собирались в тот вечер остаться дома – украсить елку (их первую елку), выпить рождественский эгг-ног⁶ и посмотреть фильм. Но ее лучшая подруга Вив написала, что все собираются в новом баре отеля, который только что открылся.

– Пойдем, – сказала Куинн, допивая эгг-ног, от которого не могла оторваться вот уже более получаса.

– Ты серьезно?

– Будет весело. Бармен – тот самый парень, который работал в баре «Улей». Помнишь его напитки с шерри, от которых ты был без ума?

– Астон Мартин.

– Правильно. Астон Мартин. Пойдем выпьем по одной.

Алан прикончил свой эгг-ног и уже готов был согласиться, но вдруг удивил сам себя:

– Пожалуй, останусь сегодня дома.

– Ты с ума сошел? – возмутилась Куинн, стаскивая штаны для йоги Лулулемон, в которых она ходила по дому с тех пор, как они вернулись.

– Я устал, – оправдывался Алан. И это было вранье. Он хотел остаться дома, чтобы побыть в одиночестве. В голове ощущалось приятное помутнение от бренди, который входил в состав эгг-нога, и идея провести субботний вечер с самим собой внезапно показалась чрезвычайно удачной. Он мог продолжить выпивать, найти хороший ужастик – что-нибудь изумительно кровавое, что никогда не нравилось Куинн.

– Если не хочешь, можем не ходить, – предложила Куинн.

– Ты иди. Никаких проблем. Это очередной этап в отношениях. Ты уходишь, а я остаюсь, и никто не против.

– О, ты только предполагаешь, что я не против, – надула губки она, хотя глаза смеялись. В конце концов Куинн переделась, выпила еще коктейля, нарядилась и ушла.

Алан, конечно же, и раньше оставался один в квартире, но в прекрасный субботний вечер, когда Куинн ушла к друзьям, это было совсем по-другому. Прежде чем искать фильм, он поставил пластинку «Поет Чет Бейкер» на старый проигрыватель, который таскал за собой с квартиры на квартиру, приготовил себе еще коктейля и пошел настраивать светильники – душа

⁶ Эгг-ног – сладкий коктейль на основе сырых куриных яиц и молока, гоголь-моголь по-американски. Является традиционным рождественским напитком.

требовала более приглушенного освещения. Еще до того как они с Куинн вернулись домой с елкой, в городе пошел снег, и теперь Алан решил проверить, что там с погодой. Он подошел к большому венецианскому окну в гостиной и раздвинул шторы. Снег прекратился, но все вокруг было укрыто тонким чистым белоснежным ковром. Он начал рассматривать следы во дворе, пытаясь определить, какие из них принадлежат Куинн, но там уже успели изрядно натоптать.

В квартире, расположенной напротив, в другом крыле, горел свет. Алан заглянул внутрь сквозь не до конца зашторенное окно. Через минуту глаза привыкли, и он смог рассмотреть обительницу квартиры. Алан не припомнил бы ее имени, даже если бы знал. Девушка сидела на диване спиной к подлокотнику, а на коленях лежала открытая книга. От единственного светильника исходил конус теплого желтого света. На кофейном столике перед диваном стоял бокал красного вина, а рядом – открытая бутылка. Это была такая безупречная картина, почти клише, что Алан громко рассмеялся. Он шагнул влево, чтобы девушка оказалась идеально обрамленной в пространстве между приоткрытыми шторами.

Неожиданно она слегка вздрогнула и оторвала глаза от книги. Алан инстинктивно отшатнулся. Он был почти уверен, что его каким-то образом заметили. Девушка встала и, не глядя в окно, исчезла из виду. Затем вновь появилась в поле зрения. Следом за ней в комнату вошел белый кот Сандерс. Он запрыгнул на кофейный столик, а хозяйка снова устроилась на диване и, лениво поглаживая Сандерса, вернулась к чтению. Кот принадлежал женщине, которая жила на другой стороне дома, но ему разрешали бродить повсюду. Алан часто видел его в вестибюле, иногда кот дремал на стойке регистрации.

Алан выключил ближайшую лампу, из-за чего гостиная погрузилась в темноту, и продолжил наблюдать за девушкой. Она выглядела такой спокойной и умиротворенной в своей скромной обители, что Алан почувствовал почти физическую боль в груди и резкое желание быть с ней. Он представил, как лежит в ее комнате с другой стороны дивана и их босые ноги соприкасаются. Он знал, что в этих беззаботных мечтах они совершенно счастливы друг с другом.

Заканчивалась песня «Мой приятель», и Алан вдруг понял, что смотрит в окно уже довольно долго. Он задернул шторы и сел на диван. Завибрировал телефон: пришла эсэмэска от Куинн, сообщившей, что она в баре. Он ответил, попросив передать всем привет. Она отписалась через полсекунды: «Майк хочет сказать, что ты слабак!»

Пластинка закончилась, и Алан продолжал сидеть в тишине. Немного поразмыслив, что же делать дальше – поставить следующую пластинку или поискать фильм, – он не придумал ничего лучше, чем продолжить наблюдение за девушкой. Он встал, вернулся к окошку и снова начал всматриваться вдаль. Она все еще читала, сидя на диване, но уже без Сандерса. Она подтянула ноги так, что книжка лежала на коленях. Алан вспомнил, что у него есть бинокль, небольшой такой, он приобрел его в том же году, в котором они с другом по колледжу в складчину купили сезонный абонемент в верхнем ярусе на игры баскетбольного клуба «Селтикс». Где именно хранился бинокль, он точно вспомнить не мог, но полагал, что прибор все еще в брезентовой плечевой сумке, которую он носил в те времена. Он решил проверить – и угадал. Держа бинокль в руках, он колебался, понимая реальную разницу между простым наблюдением за соседкой через окно и тотальной слежкой с помощью бинокля. «Всего одну минутку», – сказал он себе. Прибор поможет действительно хорошо рассмотреть ее, а может, даже увидеть, что за книгу она читает.

Он вернулся к окну и начал наблюдать. В бинокль она выглядела так, словно находилась в метре от него. Он мог четко рассмотреть ее черты лица, текстуру одежды, то, как она машинально касается пальчиком мочки уха. Книга с крупным черно-белым шрифтом на красной

обложке называлась «Волчий зал»⁷. Девушка облизнула кончик пальца и перевернула страницу.

Алан почувствовал, как дыхание замедлилось и стало более глубоким. Рассматривая ее вблизи, он ощущал себя похотливым животным, осознавая, что поступает неправильно, но был не в силах остановиться. На ней были старые джинсы с протертыми коленями и облегающая водолазка в черную и коричневую полоски. Она зевнула, выгнула спину, и он заметил островок ее розового животика. Алан почувствовал напряжение в штанах, и эта реакция испугала его – он опустил бинокль, закрыл шторы и отошел от окна. Его накрыла волна лихорадочного стыда, как будто он вдруг заболел.

Он положил бинокль в ящик с нижним бельем, разделся, натянул боксеры и футболку, почистил зубы и лег в постель. Решил немного почитать. Под руку попался «Шпион, выйди вон!» Джона Ле Карре. Алан уже читал его, но еще в средней школе. Глаза быстро скользили по словам, но мысли вертелись вокруг девушки в окне. Ему было интересно, чем она живет, есть ли у нее парень. Может, зря он не ушел вместе с Куинн? Хотя нет, правильно сделал. То, как девушка вела себя в квартире, навело его на мысль, что она живет одна.

Он попытался продолжить чтение, но потом захлопнул книгу, выключил свет и просто лежал, слушая, как из-за температурных перепадов потрескивает паркет. Сегодня он никак не сможет уснуть, подумал он, и уснул.

Куинн скользнула к нему под одеяло. От нее пахло красным вином и сигаретами «Мальборо лайтс».

– Ты курила? – спросил Алан. Недавно они вместе бросили.

– Ш-ш-ш-ш, – прошипела голая Куинн. Она провела рукой у себя между ног и взобралась на него. В темноте она казалась серой, без каких-либо характерных черт, и Алан представил в полудреме, что это соседка – девушка, имени которой он не знал, – скачет на нем верхом.

Ему понадобилось не так много времени, чтобы узнать ее имя. В следующий понедельник, как только Куинн ушла на работу, Алан пошел в другое крыло. Вычислить ее дверь было легко – квартира 3С. Спустившись в вестибюль, Алан попросил у швейцара связку только что прибывшей почты. В ворохе корреспонденции было ходатайство по кредитной карте: Одри Маршалл, квартира 3С.

За зиму он выучил ее график наизусть – знал, когда она просыпается и возвращается домой с работы. У нее редко кто бывал. Один или два раза заглядывала худая простодушная женщина. Они пили шампанское, гостя неустанно болтала, а Одри внимательно слушала, изредка вставляя замечания. Однако обычно она была одна, и именно в эти часы он любил за ней наблюдать.

– Что тебя так заинтересовало? – спросила однажды ночью Куинн, когда он думал, что подружка смотрит телевизор.

– Показалось, что кто-то кричит во дворе. Вероятно, это где-то на улице.

– Да сколько угодно, – неожиданно окрысилась она.

– Что ты имеешь в виду?

– Да то и имею, что ты постоянно пялишься в окно. А вот когда в последний раз смотрел на меня дольше секунды, припомнить не могу.

– Мы сегодня обедали вместе, помнишь? И все время смотрели друг на друга. Я еще помог тебе достать семечко кунжута, застрявшее между зубами. – Алан засмеялся.

Куинн пожала плечами. Шел март, и Алан был почти уверен, что в жизни Куинн появился кто-то еще – некий Брендон, работающий в ее учреждении и включенный в группу сотрудников, собирающихся после работы на выпивку. Как-то она небрежно упомянула его, сказав что-

⁷ Роман «Волчий зал» написала британская писательница Хилари Мэнтел.

то вроде: «Ну и, конечно же, Брендон тоже там был». Алан не расстроился. Он даже не ревновал. У него была Одри.

Как весна сменяет зиму, так лето сменяет весну – соседи распахивали окна, Алан и Одри тоже. Тихими летними вечерами, когда легкий ветерок дул в его сторону, он случайно мог услышать музыку, доносящуюся через двор. Во время чтения Одри слушала классику, а читала она много, обычно в одном и том же положении – на диване в гостиной, как и в первый раз, когда он шпионил за ней. Иногда она читала в спальне, особенно в жаркую погоду, поскольку у нее в спальне, как и у Алана, были установлены потолочные вентиляторы. Он никогда не видел ее абсолютно обнаженной, но много раз – в неглиже. Чаще всего, когда она собиралась утром на работу или как только возвращалась домой, всегда около шести вечера. Однажды в жаркую ночь Одри оставила шторы раздвинутыми. Алан подтащил стул к окну в своей неосвещенной спальне и наблюдал в бинокль, как она читает книгу в мягком переплете «Маленький незнакомец». На ней были только черные трусики. Алан представил на миг, как он открывает окно и перелетает через весь двор прямо в ее спальню.

В конце лета Куинн выехала, сославшись на то, что Алан отдалился, хотя до него дошли слухи, что она начала встречаться с коллегой Брендонном. У Алана осталось совсем немного мебели и месячная плата, которую он не мог себе позволить. Зато теперь у него больше времени, чтобы сосредоточиться на Одри. У Алана сложился план, как с ней познакомиться, чтобы это выглядело естественно и соединило их надолго. Периодически Алан начал следить за Одри не только в квартире, но и за ее пределами. Теперь он знал, где она работает – в Кембридже, сразу за рекой, в небольшом издательстве. Он также выяснил, что по выходным она любит заглядывать в кафе с низкими потолками на Гарвард-сквер – «Памплону» – и читать там. Он намеревался как-то поехать туда пораньше, подойти к ней, сообщить, что она показалась ему знакомой, завести разговор. В конце концов выяснилось бы, что они живут в одном доме в Бостоне, и надо же, как это забавно, встретились в Кембридже, и, может, имеет смысл собраться еще раз, но уже на своей стороне реки.

Но его планам так и не суждено было осуществиться. Все изменилось в феврале. К Одри начал заглядывать мужчина. Высокий атлетически сложенный парень в костюме всегда появлялся с бутылкой вина. Алан знал, кто это. Его звали Корбин Делл, и он тоже жил на Беристрит, 101, прямо по соседству с Одри.

Глава 7

Алан познакомился с Корбином Деллом вскоре после переезда на Бери-стрит. Это произошло еще до того, как он начал следить за Одри Маршалл. Они с Куинн были молодой влюбленной парой и только что начали жить вместе в этих апартаментах.

Алан и Корбин познакомились в вестибюле своего дома. Корбин разговаривал с привратником Бобом, а Алан проверял почту по дороге на тренировку по ракетболу⁸. Из спортивной сумки торчала обмотанная лентой ручка ракетки.

– Сквош или ракетбол? – поинтересовался Корбин, кивнув на ракетку.

– Балуюсь и тем и другим, – ответил Алан, – но в последнее время занимаюсь ракетболом. А вы играете?

– Да. Вы куда ходите? – спросил Корбин. У него была нереально квадратная челюсть. По сути, он весь был квадратным – широкие плечи, массивные руки, голова. Все эти острые углы подчеркивались стриженными под ежик светлыми волосами. Алану хватило беглого взгляда, чтобы сообразить, что парень, должно быть, играет гораздо лучше.

– В «У», – сказал Алан.

– Где? На реке?

– Ага.

– Не знал, что там есть корты для ракетбола. Нужно как-то сыграть. Мы могли бы сходить в мой клуб.

– Я не очень хорошо играю, – признался Алан.

– Мой теперешний напарник настолько агрессивен, что перестаешь получать удовольствие.

Они представились друг другу. У Алана была визитка компании по разработке программного обеспечения, в которой он работал, с указанием его электронного адреса, и он вручил ее Корбину.

– Вы занимаетесь маркетингом? – спросил Корбин.

– Да. А вы?

– Финансовый консультант. В «Брайр-Крэйн». – Алан узнал название. Конечно же, он работает в финансовой сфере. Парни типа Корбина обожают валютные спекуляции и разговоры о разнице обменных курсов. Они попрощались. Корбин предложил как-то договориться насчет ракетбола. Алан вышел через двор в направлении «У», зная, что Корбин никогда не напишет ему по электронке, но чувствуя странный подъем оттого, что живет в доме, где люди прямо в вестибюле договариваются сыграть в ракетбол. Это была его новая жизнь, и он жил с Куинн, которая не испытывала недостатка в деньгах. Она и настояла на переезде на Бери-стрит, 101, хотя арендная плата здесь в четыре раза превышала сумму за трехкомнатную квартиру в Южном Бостоне.

Алан забыл о Корбине Делле и несколько удивился, когда неделю спустя получил от него письмо по электронной почте:

«Давайте сыграем в ракетбол. Можем в субботу, если вы не против. Я заказал корт на десять утра. Корбин».

Они сыграли, и Алан оказался прав: Корбин был гораздо более сильным игроком – не только в профессиональном смысле, но и в плане физической подготовки. Похоже, он даже не вспотел, тогда как Алан запыхался и с трудом мог говорить. Тем не менее, когда они вернулись из шикарного клуба домой, Корбин предложил поиграть снова.

⁸ Ракетбол – спортивная игра с мячом, проходящая на прямоугольном закрытом корте. Немного напоминает сквош, но с упрощенными правилами.

Они встретились еще раз. Это было перед Рождеством. После игры они выпили пива в «Семерках» на Чарльз-стрит. Посиделки в баре продемонстрировали прежнюю расстановку сил – Корбин абсолютно уверен в себе, а Алан изо всех сил пытается не отставать. Корбин рассказывал о замечательных ресторанах в Бостоне, не забывая упоминать о своем бизнесе и время от времени вертеть головой, рассматривая очередную брюнетку, вошедшую в зал. Алан подумал, что Корбин пытается компенсировать какие-то комплексы, только непонятно, какие именно. Возможно, его обременяет глупое старомодное имя Корбин, а может, он гей и отчаянно пытается скрыть это. После пива они спустились по Чарльз-стрит. Было только начало шестого, но уже давно стемнело, и витрины, украшенные гирляндами, сверкали рождественскими огнями.

– Ненавижу Рождество, – сказал Корбин фактически самому себе и весело рассмеялся.

– Мне все равно. Я не праздную его, – признался Алан.

Это была их последняя встреча, за исключением случайных пересечений в вестибюле или во дворе. Алан замечал виноватое выражение на лице Корбина во время этих коротких встреч, как будто они больше не играли в ракетбол исключительно по вине Корбина. Алану все время хотелось сказать ему, что он тоже не жаждет проводить с ним время.

Затем в жизнь Алана вошла Одри, и он напрочь забыл о Корбине, он забыл вообще обо всем на свете. Когда он впервые увидел его в апартаментах Одри, ему фактически понадобилось какое-то время, чтобы признать в молодом человеке Корбина. Хотя особых перемен он не заметил – разве что светлые волосы стали немного длиннее. Высокий и мускулистый, в костюме или в спортивной одежде, он обосновался в квартире Одри как в собственной – разваливался на диване, смотрел телевизор. Они всегда пили вино. Секс у них случался редко, хотя несколько раз Алан видел, как они входили вместе в спальню и задергивали шторы. Он также однажды наблюдал, как Корбин поднял Одри на руки, ее ноги сплелись вокруг его талии, а он целовал ее. Сильная рука скользнула Одри под юбку, и Алану пришлось отвернуться. Он отметил про себя, что, если ему противно наблюдать за Корбином и Одри, возможно, это излечит его от потребности часами следить за девушкой. По крайней мере, Одри не такая, какой он ее себе представлял, коль встречается с Корбином.

Размышлял Алан правильно, но остановиться уже не мог и продолжал наблюдать за Одри, лелея те короткие периоды времени, когда она находилась в квартире одна и усаживалась на диван с какой-нибудь книгой – как раньше. Теперь она начала читать «Исчезнувшую» Гиллиан Флинн, и Алан по пути с работы заглянул в книжный магазин «Барнз энд Ноубл» и купил себе экземпляр – чтобы они могли читать вместе в одно и то же время. Шли дни, а Корбин не появлялся, и Алан начал надеяться, что их отношения прекратились, но однажды в пятницу вечером сосед наконец нарисовался, как всегда с бутылкой вина. Похоже, они редко выходили в свет вместе. Алану стало интересно почему – может, они заключили какое-нибудь секс-соглашение о взаимовыгодном соседстве? Что она могла в нем найти, пусть даже просто для секса?

Однажды ночью, когда Корбин был у Одри, Алан выпил несколько бутылок пива и решил послать ему имейл. После их последней встречи прошел почти год. Алан сочинил письмо, стараясь писать так, чтобы оно смотрелось набросанным на скорую руку. Извинился, что давно не напоминал о себе, и вскользь поинтересовался, не хотел бы Корбин немного поиграть с последующим возлиянием пивка в «Семерках». «Или мы могли бы плюнуть на ракетбол и просто пропустить по стаканчику», – уточнил Алан, поскольку его единственной целью был именно разговор. Он сразу же отправил письмо, чтобы не дать себе возможности передумать. Алан откинулся на диване и вздохнул. Если Корбин клюнет на удочку, то он сможет выведать у него какую-нибудь информацию об Одри, а возможно, и понять, что происходит в их отношениях. Может быть, Корбин и Алан снова станут приятелями и это позволит Алану официально познакомиться с Одри, узнать ее. Алан обнаружил, что его мысли пустились вскачь, сочиняя

сценарий, в котором Одри покидает Корбина ради него. Чтобы не зайти слишком далеко в своих фантазиях, он встал из-за компьютера и вернулся к окну. Корбин смотрел на экран своего телефона. Алану показалось, что он читает его сообщение. Даже если и так, ответ он получил только на следующий день:

«Привет, дружище. Рад тебя слышать. На самом деле я перестал играть в ракетбол, сейчас меня интересует только сквош. Но как бы там ни было, выпить можно. Я свободен в следующую среду».

Алан ответил, что также свободен. Приближался день встречи, и он начал размышлять, каковы шансы, что Корбин возьмет с собой Одри. Слабая надежда на встречу подвигла его надеть свои лучшие джинсы и блейзер марки «Рэг энд боун». Но когда он приехал в назначенное время в «Семерки», Корбина там не было. Он появился двадцатью минутами позже – один, без спутницы.

Пиво в бокалах стремительно заканчивалось, а они еще даже не начинали разговаривать. Корбин каждые две минуты проверял мобильник. Понимая, что он может улизнуть с минуты на минуту, Алан спросил, стараясь выглядеть непринужденным:

– С кем ты сейчас встречаешься?

– Встречаюсь? – удивился Корбин. – Фактически ни с кем. Ну, есть девушка с работы. Замужем, к сожалению...

– Я слышал, ты вроде бы встречаешься с кем-то из нашего дома. С той девушкой, которая живет напротив тебя, – не знаю, как ее зовут...

– Одри?

– Да, вероятно.

Корбин сделал большой глоток пива «Смиттноуз», на верхней губе осталась тонкая линия пены.

– Я ее едва знаю. А что? Кто тебе сказал?

– Наверное, мне приснилось. А может, вы где-то мелькали вместе.

– Не-е-ет, парень. Я правда не знаю ее. Видел издали и не прочь познакомиться поближе, но не судьба. А как насчет тебя? Твоя подруга съехала?

Алан преподнес Корбину короткую версию разрыва с Куинн, а также сообщил, что в ближайшем будущем собирается найти другое жилье или обзавестись сожительницей, чтобы разделить квартплату. Оба уже допили свое пиво. Официант, проходя мимо, предложил еще по бокалу. Алан, так ничего и не узнавший о личной жизни Корбина, был почти согласен, но Корбин резко вскочил и заявил, что должен бежать.

– Извини. К сожалению, нужно идти. Впрочем, давай встретимся снова, – предложил он, но как-то неубедительно.

Корбин ушел. Алан заказал себе коктейль из виски и имбирного лимонада и задумался. Почему Корбин отрицает, что знает Одри? В этом же нет никакого смысла. Даже если они по какой-то причине пытаются сохранить свои отношения в тайне, в чем проблема, если Алан узнает об этом?

Вернувшись из «Семерок», Алан направился напрямиком к окну. Свет в апартаментах Одри не горел.

Следующим вечером она была дома: читала на диване еженедельный журнал «Ярмарка тщеславия», периодически проверяя телефон. Она, казалось, нервничала, наматывая на палец пряди коротких волос.

Алан пошел готовить коктейль – это он научился делать в полной темноте, – а когда вернулся, Корбин уже находился в квартире соседки. Они разговаривали прямо возле двери, и Алан подумал, что это похоже на спонтанный визит. Никакого вина, Одри была одета в черные колготки и толстовку большого размера, которую она часто носила, когда была одна. Алан слегка отодвинулся от окна, хотя и знал, что его не видно. Он наблюдал за их разговором и

понимал: что-то случилось. Корбин кивнул головой в сторону окна, и Одри, нахмурившись, проследила за его взглядом.

Оба смотрели прямо на Алана.

Алана обдало холодом. Он сделал еще один шаг назад. Бинокль лежал на журнальном столике рядом с диваном. Он взял его и продолжил наблюдение из глубины квартиры.

Корбин и Одри еще немного поговорили. В какой-то момент она пожала плечами, на ее лице появилась улыбка. Затем Корбин прошел через гостиную и задернул шторы – Алан покраснел, как вареный рак.

Он опустил бинокль. Его не заметили, но ему все равно было плохо. Его вычислили. Корбин догадался: единственный способ узнать, что происходит в квартире Одри, – шпионить за ней с противоположной стороны здания. Интересно, до него дошло сразу после выпивки? Или он вернулся домой, выяснил, где живет Алан, посмотрел местоположение его квартиры и только тогда понял, что она является зеркальным отображением апартаментов с другой стороны двора? Алан почувствовал физическое недомогание, у него свело желудок. В какой-то короткий ужасный момент ему стукнуло в голову, что Корбин (а может, они вдвоем) может нанести ему визит, устроить своеобразную очную ставку. Он инстинктивно затолкал бинокль между диванными подушками. Свет в квартире напротив погас. Если что, он не откроет дверь.

Алан велел себе расслабиться, сделать глубокий вдох и проанализировать ситуацию. Даже если Корбин и сообразил, что его заметили через окно, это еще не значит, что Алан одержимо шпионит за Одри. А что, если Корбин спросит в открытую? Тогда Алану следует ответить непринужденно: *«Точно, должно быть, я увидел вас вместе в окне. Одри никогда полностью не задергивает шторы»*. От этой мысли он расслабился, снова встал и подошел к окну. Шторы Одри все еще были задвинуты.

В течение нескольких месяцев Алан даже не помышлял о том, чтобы лично познакомиться с Одри. Он знал, что никогда не осмелится. Он также осознавал, что, если и сделает это, Одри поймет, что перед ней – тот самый уродец с другой стороны дома, которого Корбин уличил в шпионаже. Она, должно быть, серьезно восприняла слова соседа, поскольку стала более бдительной, особенно по вечерам. Изредка она оставляла шторы открытыми, но Алан решил ограничить время наблюдения до минимума. Он понимал, что это вредно и к тому же безнравственно, не говоря уже о том, что наверняка незаконно.

Он восстановил контакты с некоторыми друзьями, с радостью принимал приглашения коллег выпить после работы. Один из таких вечеров закончился поцелуем с практиканткой из Саффолкского университета. Белла, девушка с длинными белокурыми волосами, была заядлым игроком в софтбол и фотографировала телефоном буквально все. Хотя Алан не так давно разменял второй десяток, ему казалось, что Белла из другого поколения. Они пошли в кино, а после – к Алану домой. Он осознавал, что она была первым человеком, который переступил порог его квартиры после ухода Куинн. Секс на скорую руку оказался никчемным и неуклюжим, а Белла от смущения тараторила без умолку. После того как она уснула – *«Нормально, что я проведу с ней ночь, хотя точно знаю, что это просто интрижка?»* – Алан пошел в гостиную. Сна не было ни в одном глазу. Прошло несколько дней с тех пор, как он заглядывал в квартиру Одри. Он раздвинул шторы на несколько сантиметров и посмотрел в сторону ее окна. Она тоже оставила шторы приоткрытыми. Девушка уснула, свернувшись калачиком, книжка лежала на полу обложкой вниз. Он и раньше видел ее спящей на диване. Ее правая рука была согнута и лежала ладонью наружу, вдоль груди, указательный палец упирался в нежную кожу под подбородком.

Алан пошел к дивану, зарылся лицом в подушку и впервые за долгие годы зарыдал.

«С Одри покончено», – сказал он себе.

Нужно очистить от нее свой мозг. И он преуспел в этом за последнее время. В значительной мере.

В субботу утром он нашел старую высохшую сигарету и вышел на улицу покурить. Поговорил с милой англичанкой – Кейт, как-то так, она не сообщила своей фамилии, – которая рассказала, что Одри пропала. Это была странная и тревожная беседа. В некоторой степени Кейт напоминала Алану Одри. Не внешне, хотя они обе отличались бледным цветом лица. Кейт – возможно, только потому, что он познакомился с ней в личном общении, – казалась более приземленной, в то время как Одри всегда была какой-то возвышенной. Коротко стриженная, с тонкими чертами лица, длинными конечностями. У нее имелась характерная особенность – создавалось впечатление, будто она никогда не двигалась, за исключением крайней необходимости, например чтобы перевернуть страницу в книге или сделать глоток чая. В этом их отличие, подумал Алан. Кейт, почти такая же красивая, как Одри, только с более круглым лицом и темными волосами, была явно *не* спокойна. Когда они разговаривали, она переминалась с ноги на ногу. А когда заправляла прядь волос за ухо, Алан заметил, что ее не покрытые лаком ногти изгрызены до корней.

Затем приехала полиция, и Кэрол, пожилая соседка Алана из квартиры напротив, подтвердила, что нашли тело Одри.

В тот вечер пришла брать показания представитель полиции, женщина, представившаяся офицером Карен Гибсон. Он рассказал ей правду. Он знал Одри Маршалл в лицо, но саму ее *не* знал.

В ту ночь Алан спал, но сон был прерывистый, разделенный короткими видениями, в которых Одри находилась с Аланом в его квартире, прикасалась к нему, говорила с ним, нашептывала ему что-то на ухо. Он проснулся перед рассветом и пошел взглянуть на квартиру Одри. Там было темно, но он мог с уверенностью сказать, что штора была отдернута. Он заметил мимолетное движение внутри и долго всматривался. Восходящее солнце окрасило небо разными цветами – от черного до оранжевого, – но внутри квартиры Одри все оставалось темным. Однако он все равно смотрел, боялся даже моргнуть. Затем появился еще один намек на движение – полоска света. Алан был уверен, что видел, как дверь Одри быстро открылась и закрылась: кто-то вышел из квартиры.

Глава 8

К полудню в воскресенье Кейт, не закончив писать пространное письмо своей матери, прохаживалась по периметру обширной квартиры. Она не спала с самого рассвета, с того момента, как прокралась в квартиру Одри Маршалл и увидела через окно Алана Черни. Сейчас, расхаживая по квартире, она то и дело выглядывала в окно. Небо было молочно-белого цвета, а поверхность реки выглядела неподвижной и гладкой. Участок Бери-стрит, который просматривался из западного окна, был спокойным. Хотелось есть, но бутерброды с сыром уже надоели. Она открыла дверь огромного холодильника с корпусом из нержавеющей стали и внимательно осмотрела его скудное содержимое.

«Выйди на улицу», – приказала она себе.

Чтобы не передумать, она быстро надела полусапожки, заправила в них джинсы и схватила куртку в черно-белый горошек. Нужно пробежаться по кварталу и найти место, где можно пообедать или даже купить продуктов, чтобы приготовить дома.

На улице было сыро и гораздо прохладнее, чем она полагала. Переходя через двор, она застегнула куртку под самое горло и уже пожалела, что не прихватила перчатки.

Засунув руки в карманы матросской куртки, по Бери-стрит прохаживался мужчина. Когда она проходила под аркой, он выжидающе посмотрел на нее, и их глаза встретились. У него были рыжеватые волосы средней длины, торчащие на макушке, очки в тонкой металлической оправе давали эффект подбитого глаза, а белки выглядели влажными и блестящими. Перед тем как перейти через улицу, Кейт остановилась, оглядываясь по сторонам, и тут к ней подошел этот мужчина.

– Здрасьте, – неуклюже поприветствовал он ее. – Здравствуйте, привет. Вы здесь живете?

– Да, – ответила она и инстинктивно поправила горловину на куртке.

– Извините. Не хотел вас напугать. Я был другом... Я близкий друг Одри Маршалл, и я говорил с полицейскими, а также с вашим швейцаром. Я просто надеюсь получить больше информации.

– Сожалею. Мне ничего не известно. Я только приехала. Я не знала Одри.

Мужчина казался смущенным. Щеки покрылись красными пятнышками. Кейт прикинула, сколько же он стоял на холоде, ожидая, пока кто-то выйдет из дома.

– Вас допрашивали полицейские? – спросил он.

– Они брали показания. Думаю, только потому, что я живу по соседству.

– Прямо по соседству? На ее этаже?

– Да, но я буквально только что въехала и никого не знаю. Очень жаль, но мне больше нечего сказать. – Кейт сделала шаг, намереваясь прошмыгнуть мимо него.

– Вы не против, если я немного пройду с вами? Мне нужно выпить кофе. Кстати, я Джек. – Он снял перчатку, и Кейт пожалала его сухую теплую руку. – Джек Людовико. Я дружу с Одри на протяжении... на протяжении...

Будучи хорошей ученицей своей мамы, которая всегда была добра, но умела мастерски избегать неудобных бытовых ситуаций, Кейт сказала:

– Джек, приятно познакомиться, но я спешу. Не думаю, что смогу вам помочь.

– А вы не родственница Корбина Делла? Одри рассказывала, что он собирался переехать в Лондон, а вы – сюда, в его квартиру.

– Да. Я только что приехала. Одри рассказывала вам об этом?

– Да, я все знаю о Корбине и Одри. Не хочу вас задерживать, пойдете. Мне холодно.

Они пошли рядом. Кейт стало любопытно. По-видимому, пара Корбин и Одри все-таки существовала.

– Я Кейт, – представилась она.

Джек снова назвал свое имя, потом сообразил, что отрекомендовался две минуты назад, и, смутившись, затряс головой.

– У меня полный бардак в башке.

– Вы были близки?

– И да, и нет. С моей стороны – однозначно да. Мы встречались в колледже, но из этого ничего не вышло, и потом, когда она переехала сюда, мы снова начали общаться, только как друзья, и я не мог поверить... – Он остановился, не снимая перчаток, сдвинул очки на лоб, закрыл лицо руками и начал всхлипывать, его плечи содрогались.

– Все в порядке, – пыталась успокоить его Кейт, не зная, что предпринять. Она положила руку ему на плечо. Они застыли в картинной позе и, казалось, стояли так целую вечность. Он убрал руки от лица, вытер перчатки о джинсы и спросил:

– Вы не знаете, кто ее опознавал?

– Нет, без понятия. Пойдемте дальше, хорошо? – попросила Кейт, беря его за руку и увлекая за собой вверх по улице.

– Ладно, – всхлипнул он. – Извините, что свалил на вас все это. Вы, должно быть, и так переживаете – только приехали, и сразу же убийство в соседней квартире, а тут еще и я донимаю. – Он хрипло засмеялся. Его плечи затряслись от пугающего стаккато смеха – так же, как тогда, когда он рыдал.

– Ничего страшного, – заверила Кейт. – Как вы узнали... Как вы узнали о том, что случилось?

– Об этом написано в сегодняшней газете «Глоуб». Я уже начал переживать, ведь я несколько дней ничего не слышал об Одри, что само по себе весьма странно, а потом увидел заголовок, что, мол, на Бикон-Хилл найдена мертвая женщина. И я уже понимал, что это она, даже не дочитав статью до конца.

– О чем в ней говорилось? – спросила Кейт.

– Что найдено ее тело и полиция рассматривает происшествие как подозрительную смерть. И еще был указан номер телефона, по которому можно сообщить любую информацию, так что я позвонил. Сходил в отделение, меня опросили, но ничего не сказали, за исключением того, что тело опознано. Не знаете, кто это сделал? Кто ее опознал?

Джек повысил голос и, казалось, уже готов был сорваться на крик. Кейт обычно тонко чувствовала панику у других людей, но сейчас ощущала себя, как обычно, спокойно. Она повторила:

– Джек, я ничего не знаю. Мне жаль. Я только что приехала. Но я уверена, что полиция не может говорить о деталях дела, потому что ведется расследование. Есть кто-нибудь, с кем вы можете поговорить? Кто-то из друзей Одри? Или из ее родственников?

Он закивал:

– Поговорю. Правда, никого из семьи я не знаю, но могу пообщаться с ее лучшей подругой Керри. Я с ней знаком.

– Наверное, это именно она начала бить тревогу, когда Одри пропала. Когда я приехала, здесь была девушка – стучала в дверь Одри.

– Да, по всей видимости, это она, Керри. – Что-то в голосе Джека натолкнуло Кейт на мысль, что он не любит лучшую подругу Одри.

– Вам следует побеседовать с ней, – посоветовала Кейт. – Уверена, ей известно больше, чем мне.

– Побеседую. – Они пошли дальше. Кейт немного ускорила шаг, Джек не отставал. Они миновали Бриммер-стрит и приближались к Чарльз-стрит. – Значит, Корбин еще не знает? – спросил он.

– Я дала полиции его электронный адрес. Думаю, ему сообщат на всякий пожарный, вдруг у него есть какая-то информация. Я не хотела писать ему лично, поскольку не в курсе, знает ли он что-нибудь.

– Думаете, полиция его подозревает?

– Не думаю. Не думала об этом. Мне сказали, что он вне подозрений. Почему вы спрашиваете? Он вел себя странно по отношению к ней?

– Ну, между ними что-то было.

– Что именно?

– Точно не знаю. Так, встречались время от времени. Одри говорила, что они спали, но никуда вместе не выходили. Он не хотел выносить их отношения на всеобщее обозрение и старался ограничить их стенами квартиры. – По голосу Джека стало ясно, что он не одобрял такую ситуацию.

– Стенами квартиры? Что вы имеете в виду?

– Встречались только дома. Полагаю, он завел с ней интрижку, а Одри захотела большего, настоящих отношений. Только Корбину это было не нужно. Ничего приятного о нем она сказать не могла. Мне жаль. Я не должен вываливать вам подробности. Не думаю, что она боялась его или чего-то еще. Непохоже. Просто он мудака, вот и все.

– Я правда ничего не знаю об этом, – сказала Кейт. Они дошли до угла Бери-стрит и Чарльз-стрит и снова повернулись друг к другу лицом.

Джек играл желваками.

– Я не считаю, что Корбин как-то причастен к тому, что произошло.

– Ну, он на тот момент уже был в Лондоне...

– Когда он уехал, вы знаете?

– Он улетел ночным рейсом в четверг, поскольку добрался до места в пятницу рано утром. А я как раз уезжала в тот день. У нас оставалось немного времени, чтобы встретиться, но встреча так и не состоялась.

Джек ничего не сказал, и Кейт видела, что он пытается просчитать, имеет ли Корбин какое-то отношение к смерти Одри.

– Когда вы в последний раз разговаривали с Одри? – спросила она.

Он буравил ее взглядом.

– О, пытаюсь вспомнить. Кажется, в среду вечером.

– Значит вы думаете, что Корбин...

– Нет, я ничего не думаю. Я полагаю, что он мог быть причастен к тому, что случилось. Это ведь возможно, не правда ли? – Он посмотрел на нее почти с надеждой.

– Не знаю. Может, кто-то еще получил от нее известие. Вам действительно стоит выяснить это в полиции. Мне ничего не известно.

Джек быстро затряс головой, как будто ему в ухо попала вода.

– Господи, извините. Это не имеет к вам никакого отношения. Просто я теряю самообладание...

– Да, понимаю. Но ничем не могу помочь. Я не знаю Корбина, и он мне ничего не рассказывал ни о соседях, ни о ком другом. Надеюсь, что он к этому не причастен. Вы знаете, что случилось с Одри?

– В каком смысле? Как ее убили?

– Наверное.

– Мне ничего не сказали. Сообщили, что рассматривают смерть как подозрительную – все то же, что написано в газете.

На запухшие глаза Джека навернулись слезы, и Кейт решила больше не задавать вопросов об Одри. Она хотела уйти, но Джек выглядел настолько растерянным, что напоминал ей ребенка, потерявшего родителей.

– Чем вы занимаетесь, Джек? – сменила тему Кейт.

– Вы о чем?

– О работе.

– А, работаю в гостиничной индустрии.

– Ага.

– Я координатор мероприятий в конференц-центре. Это не настолько захватывающе, как хотелось бы, но я все время занят. Последние две недели... у меня даже не было времени встретиться с Одри.

По щеке покатилась слеза, и он вытер ее тыльной стороной руки, не снимая перчатку.

Кейт попыталась снова подражать своей матери и прямо сказала:

– Джек, мне действительно кажется, что вам следует поговорить с кем-то, кто знал Одри.

Он закивал, а она продолжала:

– Отыщите ту подругу или семью Одри. Откуда она?

– Она родом из Нью-Джерси. Я никогда не встречался с ее родственниками.

– Вероятно, они уже приехали. Вам так не кажется? Имеет смысл найти их и поговорить.

– Ага, пожалуй, вы правы, – согласился он, но не сдвинулся с места. Их обошла семья туристов с двумя малышами, у которых на голове были шляпы в форме клешни омара.

– Мне кажется, я все еще влюблен в нее, – признался он. – Не думаю, что у нее были такие же чувства. Нет, я точно знаю, что она ничего ко мне не испытывала. Из-за того, что Корбин все изгадил, но... – Он замолчал, его взгляд задержался на непонятной точке где-то между ними.

– Приятно было познакомиться, Джек, – откланялась Кейт и снова пожала ему руку. На этот раз он перчатку не снял. – Извините, но мне нужно сделать еще кое-какие покупки.

Она оставила его на углу улицы и быстро рванула прочь, надеясь, что он не заметит ее торопливости, – напрямик к продуктовому магазинчику, в который заходила вчера. Она чувствовала себя виноватой, но оправдывалась тем, что действительно ничем не смогла бы помочь. Ему нужно найти кого-то другого – того, кто знал Одри. Ей тоже хотелось побыть наедине с собой и подумать о том, что она сейчас узнала. Корбин был связан с Одри. Они спали вместе, но потом что-то пошло не так, по крайней мере с точки зрения Одри. Возможно, и с его тоже. В голове Кейт развивались вероятные сценарии. Одри становится ревнивицей, а Корбин паникует, пытаясь уйти от нее. Он соглашается на длительную командировку в Лондон. Но в последнюю ночь в Бостоне решает, что ему следует попрощаться с Одри, сообщить ей, что уезжает из города. Может быть, она съехала с катушек и набросилась на него, а Корбин, защищаясь...

Кейт вытеснила мрачные мысли из своей головы и открыла стеклянную дверь магазина. От одного взгляда на узкие забитые проходы ее охватила паника, опустошая изнутри. Она попятилась от приятной теплоты, струящейся из магазина, и натолкнулась на парочку в спортивной одежде, которая тщетно пыталась протиснуться мимо нее.

– Извините, – промямлила она, устремляясь к пустой скамейке перед соседним магазином, торгующим старинными печатными изданиями.

Она присела и проделала свои дыхательные упражнения.

Смирись. Прими. Выпусти это. Пусть время течет своим чередом.

Самолет пролетел буквально над головой – так низко, что от рева двигателей у Кейт стянуло кожу на черепе. Она сжала пальцы, подышала еще немного и встала. Кейт перехотелось есть, но она понимала, что должна хоть что-то бросить в желудок. Через дорогу находилась небольшая пиццерия под названием «Аппер краст», где она купила себе ломтик пиццы песто и крем-соду. Она вернулась к скамейке, чтобы перекусить. Было холодно, но на открытом воздухе гораздо лучше, чем внутри.

Возвращаясь домой, она опасалась, что страдающий от безнадежной любви друг Одри все еще ждет на углу, где она его оставила, но он ушел. Никто не караулил ее и на Бери-стрит, 101, и Кейт с облегчением вернулась в свое убежище, так ни с кем и не встретившись.

Переступив порог квартиры, она начала изучать все, что ее окружало. Неужели это логово убийцы? И если да, то способны ли эти стены поведать о самом страшном? Здесь так мало Корбина. Кроме роскоши и великолепия, не ощущалось больше ничего. Хотя не совсем так. Апартаменты похожи на квартиру умершего, на жилье отца Корбина. Мебель красивая, но немного устаревшая; на одном диване вообще цветочная обивка. И картины на стенах – в основном оригиналы, – выполненные маслом в стиле абстракционизма, довольно интересны (подумала Кейт), но немного староваты. Нет, если что-то из предметов обстановки и принадлежало Корбину, то очень немногое. Он унаследовал отцовское жилье и законсервировал его в прежнем виде, вплоть до фотографий в рамках.

Немного расслабившись, Кейт села и начала думать, что бы это значило. Как бы она поступила, если бы унаследовала жилище? Вероятно, точно так же. Выглядит мило – зачем что-то менять? Возможно, Корбин по-особенному любил своего отца и сохранил память о нем в нетронутом виде. Вполне вероятный сценарий. Но могла быть и другая причина, по которой здесь совсем не ощущался Корбин. Возможно, он хотел замаскироваться, чтобы люди не поняли, кем он является на самом деле. И если так, то существует ли место, где он был открыт? Где искать настоящего Корбина?

Кейт подошла к окну, из которого открывался лучший вид на Бери-стрит. Тишина и спокойствие. Может быть, она предполагала, что снова увидит влюбленного друга, наблюдающего за домом в надежде поймать другого жильца? Ведь она читала, что злоумышленники любят возвращаться на место преступления. *Нет*, подумала она. Джек Людовико, конечно, странный, но есть в нем некая черта, не позволяющая обвинить его в страшном злодеянии. На этот раз ее мозг отказывался разворачивать события по наихудшему сценарию. Джек был тем, кем казался. Старый друг, обремененный неверием и печалью. Легко просчитать, что он не таков, как Корбин, которого связывали с Одри, по-видимому, сложные отношения. Да еще и ключ от квартиры в придачу.

Мысли о ключе напомнили, что нужно позвонить детективу.

Она пошла в спальню, где осталась визитка детектива Джеймс, и почему-то решила достать из-под кровати свой альбом. Села на ковер, открыла чистый альбомный лист и стала рисовать лицо Джека Людовико. Она ни о чем не думала, рука двигалась машинально. Портрет получился со слегка наклоненной головой и поднятыми вверх глазами. Она закончила и, положив карандаш на место, вдруг поняла, что дорабатывать ничего не нужно. Изображение – идеальное. Кейт поставила дату и его имя.

Она посидела еще немного, пытаясь вспомнить, зачем пришла в спальню. Визитка детектива. Она собиралась позвонить. Кейт направилась к телефону в гостиной. Детектив сняла трубку после двух гудков.

– Здравствуйте. Это Кейт Придди. Вы оставили мне визитку.

Короткая пауза.

– Здравствуйте, Кейт. Чем могу помочь?

– Я насчет Одри Маршалл. Я нашла ключ в своей квартире, то есть в квартире Корбина Делла, с инициалами «ОМ».

– Думаете, у него мог быть ключ от квартиры Одри?

– Именно эта мысль и пришла мне в голову.

– Вы проверяли его? – поинтересовалась детектив.

Кейт не ожидала, что ее спросят об этом, но какая-то непринужденность в голосе детектива побудила сказать правду:

– Вообще-то да. Это тот ключ. Ключ Одри. Возможно, она дала его Корбину, чтобы он по-соседски поливал цветы, когда она уезжала, или что-нибудь такое.

– Да, уверена, что вы правы. Мы поддерживаем контакт с вашим кузеном. Он оказался весьма услужливым. Я спрошу у него насчет ключа.

– О, он уже знает?

– Да, он в курсе. Он откликнулся, но сообщил, что не знал Одри достаточно хорошо. Похоже, он больше беспокоится о вас.

– Он сказал, что не очень хорошо знал Одри?

– Так и сказал. Извините, одну минуту...

Кейт некоторое время слушала приглушенные голоса – детектив с кем-то переговаривалась.

– Прошу прощения, Кейт, я вернулась, – послышался в трубке голос. – Что-нибудь еще?

– Нет, только ключ. И еще я разговаривала с другом Одри. Джеком Людовико.

– Да? – Джеймс, похоже, заинтересовалась. – Как вы с ним познакомились?

– Он стоял перед домом. Сказал, что возвращается из полицейского участка, где у него был с кем-то разговор, и надеется раскопать больше информации.

– Еще раз, как его зовут?

– Он не приходил в участок?

– Возможно, приходил, Кейт. Я только что приехала и еще не успела переговорить с коллегами.

– Джек Людовико. У него, как ни странно, другая версия об отношениях Корбина и Одри. Он сказал, что у них была интимная связь.

– Если можно, я бы хотела поговорить об этом подробнее, Кейт. Могу я вам перезвонить? Это ваш номер?

– Безусловно. Да, я звоню из квартиры.

– Спасибо, что сообщили насчет ключа, и не стесняйтесь звонить снова по любым вопросам, хорошо? Даже если что-то покажется несущественным.

Кейт повесила трубку. С минуту она сидела неподвижно. В голове колотилась мысль: *«Не сделала ли я ошибку, умолчав о мужчине, который взглядылся в квартиру Одри с другой стороны двора?»* Она моментально решила, что эта недомолвка об Алане Черни не была ошибкой. Разумеется, он заглядывал в квартиру. Произошло убийство. Он, должно быть, слышал об этом, и его одолело любопытство. Да, вероятно, он любознательный и немного опечаленный.

Рано или поздно все тайное становится явным. Кейт знала об этом лучше, чем кто-либо.

Глава 9

Кейт закончила свое длинное письмо матери, подробно повествуя обо всем, что случилось с момента ее приезда в Бостон. Она знала, что, как только мама прочтет письмо, тут же попросит ее вернуться домой. Не столько ради безопасности – хотя очевидно, что это тоже важно, – сколько из-за того, что Кейт и так многое пережила с Джорджем Дэниэлзом.

Она познакомилась с Джорджем на первом курсе университета. Он занимался геологией, она – искусством, но оба очутились на уроках греческого языка. Кейт слегка отставала, и закончилось тем, что она попросила у Джорджа помощи. Она обратилась к нему только потому, что он казался старательным и заслуживающим доверия. Внешностью он обладал неплохой, но в свои восемнадцать лет был похож на дипломированного бухгалтера. Высокий, долговязый, с непропорционально длинными ногами. Он носил обычные очки, всегда ходил в вельветовых штанах и вязаной жилетке. Несмотря на юный возраст, он уже начал лысеть. Однако вдовий пик⁹ Джорджа показался ей привлекательным. После нескольких занятий он, заметно нервничая, поинтересовался у Кейт, не хочет ли она как-то поужинать с ним, и предложил один итальянский ресторан, о котором он слышал неплохие отзывы.

Заинтригованная необычным предложением, она согласилась. Было интересно узнать, каково это – пойти на старомодное свидание вместо того, чтобы просто встретиться с парнем в студенческом пабе. Все *действительно* было в духе прошлых лет. Джордж даже надел галстук под жилетку. Казалось бы, нелепая ситуация, но нет. У Джорджа и Кейт нашлось много общего – оба были тайными поклонниками поэзии и обожали сериал «Твин-Пикс». Всю субботу и часть воскресенья они провели у Джорджа в комнате, лежа на кровати и пересматривая на ноутбуке весь первый сезон. К понедельнику оба лишились девственности, и Кейт была уверена, что влюбилась. Джордж, очевидно, испытывал те же чувства.

В тесном мирке своих отношений они благополучно провели целый год. Так или иначе, Кейт чувствовала себя в безопасности. С самого детства ее жизнь была отравлена ощущением, что на нее вот-вот обрушится несчастье. Психотерапевт, к которой восьмилетнюю девочку привели родители, попросила назвать три вещи, которых она больше всего боится. Кейт залилась слезами, будучи не в состоянии свести к трем простым страхам огромный мир незнакомцев, пауков, утечки газа, хулиганов, невидимых бактерий и опасных явлений природы. У нее диагностировали тревожное расстройство – что, впрочем, никого не удивило, – а также синдром патологического фантазирования. Она просто одарена богатым воображением.

Джордж действовал на нее успокаивающе, поскольку планировал буквально все, вплоть до мельчайших деталей. Кейт какое-то время терзалась. Ее мозг трещал, как киноаппарат, с помощью которого в школе на уроках оказания первой помощи показывали жуткие фильмы по технике безопасности. С другой стороны, ее тревоги никогда не изменят мышления Джорджа, и это сняло некоторое напряжение. После первого курса университета он запланировал на летние каникулы путешествие в Грецию. Они должны были лететь из Лондона в Афины, затем паромом на Санторини, Крит и под конец на Родос. Кейт летала только однажды – когда ей было тринадцать лет, родители взяли ее на Азорские острова, после чего пообещали, что больше никогда не заставят ее сесть в самолет. Она хорошо помнила свое ощущение взлета и полную уверенность, что смерть заглатывает ее целиком. Ощущение вышло за рамки паники и превратилось в леденящий вакуум чистого ужаса. Кейт поделилась с Джорджем своими воспоминаниями и предположила, что не сможет полететь в Афины, но он спокойно посмотрел

⁹ То, что в русском языке называется залысынами на лбу, в английском языке имеет название «вдовий пик». Есть поверье, что женщина с таким треугольничком волос на лбу переживет своего мужа или же это признак раннего вдовства.

на нее и сказал, что отдых уже распланирован. «Все забронировано, Кейт», – отрезал он, давая понять, что разговор исчерпан.

В каком-то смысле это немного упростило ситуацию. За несколько дней до вылета Кейт показалось, что воздух затвердел и лишился кислорода. Она испытывала боль в груди и снова начала кусать внутреннюю поверхность щек, во рту постоянно чувствовался привкус крови. Тем не менее она знала, что не сможет пойти на попятную – по той простой причине, что поездка забронирована. Джордж все забронировал, а если он составляет план, то отступления невозможны. И в конце концов она полетела – спасибо энному количеству джин-тоника. Было худо, но она выжила, однако как только самолет благополучно приземлился и она окунулась в хаос афинского международного аэропорта, ее одолел водоворот вероятных сценариев. Это ощущение перенеслось на всю поездку. Она думала, что ненавидит паромные переправы, но с ними все оказалось нормально, высокое небо и открытые просторы помогли ей расслабиться. Первые несколько дней поездка складывалась удачно, а затем вторглись ревность и паранойя Джорджа.

Он всегда был властным, с их первого уик-энда. Постоянно допрашивал, не находит ли она кого-нибудь из сокурсников симпатичным. Она быстро научилась отвечать «нет». Кейт усвоила, что, когда они идут вместе на вечеринку – что было очень редким явлением, – нужно общаться только с женщинами, ибо Джордж будет потом долго кукусье. Она также уяснила, что в кинотеатре на фильме, например, с Брэдом Питтом не следует упоминать, что она находит его привлекательным. Она научилась горьким премудростям на собственном опыте.

– Это же Брэд Питт. Я за миллион лет с ним не встречусь, ты же знаешь.

– А если бы познакомилась, то просто пошла бы трахаться с ним? – рассвирепел Джордж.

– Конечно же нет.

– Но ты же считаешь его смазливым. Само собой разумеется, ты хочешь дать ему, так почему же не потрахаться, если он предложит?

– Господи, Джордж. Я не буду с ним, потому что хочу быть только с тобой.

– Тогда почему он тебя так привлекает?

Пытка продолжалась несколько дней, и Кейт усвоила урок – научилась никогда не упоминать мужских имен, вообще.

В Греции стало еще хуже. Сплошные пляжи и смуглые тела напоказ. Кейт вонзала глаза в книгу или смотрела в ослепительную даль, но невозможно случайно не взглянуть на парад тел множества мужчин в плавках и женщин топлес. Кейт стеснялась своего цельнокроеного купальника цвета морской волны да еще бледной кожи, которая краснела вместо того, чтобы приобретать красивый бронзовый цвет. Однажды вечером она невзначай наблюдала за девчонкой-подростком, барахтающейся в Средиземном море. На девчонке были светло-коричневые бикини, из-за чего создавалось впечатление, что она голая. Она была уже постпубертатного возраста, но забавлялась как маленькая девочка, гоняясь за волнами. Кейт начала вспоминать, чувствовала ли она себя когда-нибудь столь легкомысленной и свободной, хотя бы в самом юном возрасте.

Вечером, за ужином, после десятиминутного молчания Джордж спросил у Кейт, не лесбиянка ли она. Она попыталась отшутиться, но Джордж не отступал, и Кейт до конца путешествия старалась вообще ни на кого не смотреть.

Но самое худшее произошло в их последнюю ночь в Ираклионе на Крите. Вдоль дороги, ведущей на пляж, выстроился ряд кафе и ресторанов, конкурирующих между собой. К концу дня каждый ресторан выставлял одного из своих официантов на тротуар, чтобы те заманивали туристов.

– Посмотрите на меню, – наперебой зазывали они. – Свежайшая рыба в Ираклионе.

В тот ужасный вечер зазывалы вынудили Джорджа и Кейт заглянуть в меню пиццерии, а затем и сесть на террасе. Обхаживая их, официант весело заметил:

– А очаровательную англичанку мы посадим лицом к улице, чтобы мужчинам хотелось сюда зайти.

Кейт рассмеялась и, к своему ужасу, залилась краской. Джордж смолк. Они заказали графин превосходного греческого вина и пиццу из морепродуктов. Во время ужина Кейт начала оправдываться:

– Ты не в настроении из-за того, что сказал официант? Ты же знаешь, он говорит это каждой женщине, усаживая ее.

– Поэтому ты так смотришь на него? – кипятился Джордж.

– Я ни разу не взглянула на него с тех пор, как мы сели, Джордж.

Они молчали до конца ужина, но продолжили разговор позже – в их недорогом отеле через три квартала.

– Я никогда не взял бы тебя в Грецию, если бы знал, что ты будешь так себя вести, – брызгал слюной Джордж. Он был очень зол.

– Не я, Джордж. Ты.

– И ты честно заявляешь, что не будешь лежать в постели, мечтая трахнуть официанта-грека? Я видел, как ты смотрела на него. Почему бы тебе не вернуться, беги к нему...

– Вот возьму и побегу, – огрызнулась Кейт и сразу же поняла, что зря.

Джордж схватил ее за плечи и начал тащить к двери.

– Убирайся, – кричал он, уцепившись пальцами за ее обгоревшую плоть.

Не зная, что делать, Кейт перестала сопротивляться, упала на голый пол и начала реветь. А Джордж колотил кулаком в стену, пока гипсокартон не треснул, а костяшки пальцев не начали кровоточить.

– Папа ревнует? – спросила Кейт у мамы, как только вернулась из Греции.

– Что значит ревнует?

– Ревнует тебя к другим мужчинам?

– Боже, нет. Зачем?

– А когда вы только познакомились? Когда встречались?

– Разве что немножко, но только потому, что, начав встречаться с твоим отцом, я продолжала гулять с Робертом Кристи. – Она сделала глоток вина. Дождь хлестал по стеклам зимнего сада.

– Это, должно быть, сводило его с ума?

– Сходил ли он с ума, точно не знаю, но зато это подстегнуло его к действиям. Он сделал мне предложение намного раньше, чем собирался. Хотя Роберт Кристи все равно никогда бы не взял меня замуж.

– А потом?

– Мы поженились, милая. К тому же твой отец не ревнивец. Почему ты спрашиваешь?

Кейт рассказала маме о ревнивом характере Джорджа. Она рассказала почти все, упустила только ту ночь в Ираклионе, которая закончилась сломанной стеной в отеле.

– Это не очень хорошо, детка.

– Да нет, все нормально. Просто я люблю Джорджа, но чувствую себя так, как будто все время хожу на цыпочках, чтобы не оступиться и не произнести случайно какое-то мужское имя.

– Это нелепо, дорогая. Он думает, что, если вы вместе, ты не имеешь права считать других мужчин привлекательными?

– Именно так он и думает.

– Боже милостивый, Кейт.

– Знаю, знаю. Думаю, пора покончить с этим. – Она впервые произнесла эти слова вслух, по лицу потекли слезы.

– Я тоже так думаю, – поддержала ее мама.

Это было нелегко. Кейт написала Джорджу обстоятельное письмо, детально изложив свои соображения и изо всех сил стараясь убедить его, как много он значил для нее. Перед тем как уехать на летние каникулы, она оставила письмо под дверью его комнаты. Через неделю попробовала позвонить ему, но он не брал трубку. Она не находила себе места, но понимала, что все к лучшему. До августа она не слышала от него ни словечка и именно тогда допустила ошибку. Она выложила пост в «Фейсбуке» о том, что проведет целую неделю в коттедже своего дяди в Уиндермире. Просто написала: «Прогулки. Озерный край. Блаженство».

У Джорджа не было профиля в «Фейсбуке», да и она редко заходила туда и еще реже что-то писала. Ей и в голову не могло прийти, что он может прочитать этот пост. Теперь, оглядываясь назад, она понимает, что сглупила. На что она надеялась? На то, что Джордж продолжает жить дальше как ни в чем не бывало? Джордж *прочитал* ее пост. Он знал этот коттедж, они как-то были там вместе во время короткого отпуска с ее семьей. Спустя годы Кейт продолжала анализировать, как долго он находился в Уиндермире, сколько следил за ней, прежде чем нарисоваться. Она совсем не чувствовала, что он ходит по пятам. Погода всю неделю была ветреная, небо было затянуто тучами. В одном из тревожных снов к Кейт пришло предчувствие смерти. В первые несколько дней она жила в коттедже с младшей кузиной Сейди, приехавшей из ближайшей деревни. Джордж, видимо, наблюдал за ними, выжидая, когда Кейт останется одна. Он спал под открытым небом в лесу по соседству. Позже, когда все произошло, нашли его палатку и промокший спальный мешок, спрятанные в зарослях.

Среди недели, в первую же ночь, как только Сейди покинула коттедж, Кейт проснулась около полуночи и обнаружила рядом с кроватью Джорджа. На коленях у него небрежно лежала винтовка. Кейт открыла рот, чтобы закричать, но Джордж придавил ей коленями грудь и засунул маслянистый ствол в рот, раздвигая губы и ломая зубы.

Так он удерживал ее на кровати больше часа, рассказывая странным, совершенно монотонным голосом, что она заслуживает смерти за свои деяния. То, как он говорил, какие слова использовал, было совсем не похоже на Джорджа, которого она знала, – казалось, будто это совершенно другой человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.